РФ
К28

ГУСТАВ КАССЕЛЬ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ПРИБОЙ 1929

33
К28

ГУСТАВ КАССЕЛЬ
ПРОФЕССОР СТОКГОЛЬМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Б. М. ЖОЛКОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Е. Р. КАЧУРИНЕР

+ чит. зал

РЕДКИЙ ФОНД

ПРОВЕРЕНО

19 * ПРИБОЙ * 29

GUSTAV CASSEL

—

GRUNDGEDANKEN DER THEORETISCHEN OEKONOMIE

ЧИТАТЕЛЬ!

Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка 3, Госиздат, в редакцию журнала „Книга и революция"

94-44-24
Финансовая Академия при Правительстве Российской Федерации БИБЛИОТЕКА

Ленинградский Областлит № 36843
7 л. Тираж 4000 (С, 10. 12628/Пр.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемая книжка Касселя представляет лекции, прочитанные им в 1925 г. В них Кассель излагает в сжатой форме основные идеи своей теоретической системы. До сих пор на русском языке имеются лишь две теоретические работы Касселя: «Теория конъюнктур», изданная в 1925 году под редакцией проф. Трахтенберга и представляющая собою часть (4-ую книгу) основного труда Касселя «Theoretische Sozialökonomie» (1-е изд. 1918 г.), и «Мировая денежная проблема», изданная в 1922 г. под редакцией проф. Членова, но эти работы, как явствует из их заглавий, посвящены двум частным проблемам политической экономии. В отличие от них данная работа освещает взгляды Касселя на весь комплекс народно-хозяйственных проблем и дает представление о его теоретической системе в целом.

Едва ли есть необходимость оправдывать перевод на русский язык новой книги Касселя. Для XX века Кассель является бесспорно одним из наиболее авторитетных экономистов буржуазной Европы.

По своей эрудиции, знанию самых различных сторон капиталистической экономики он стоит в первом ряду буржуазных ученых. И если Кассель в своей теоретической системе все-таки являет образец беспомощности, эклектизма, вульгарности и т. п., то в этом не его вина, а беда умирающего капитализма и кризиса буржуазной экономической

науки; Кассель только выражает этот объективный процесс. И этой стороной своей теоретической системы интересен прежде всего Кассель.

При знакомстве с теоретическими схемами буржуазных экономистов не следует забывать, что эти теории представляют собой продукт разложения буржуазной политической экономии. Исторический процесс разложения буржуазной политической экономии, в соответствии с развитием противоречий самого капиталистического общества был намечен Марксом: классическую политэкономию сменила беспартийная апологетика Сэя, затем явилась партийная апологетика Бастиа, наконец беспринципная историческая школа.

В конце XIX в. буржуазная экономическая мысль сделала последнюю попытку подняться до построения законченной экономической теории. Однако теперь уже всем ясна негодность этой попытки: влияние австрийской школы быстро идет на убыль. Некоторый успех непоследовательного субъективизма — математической школы и англо-американской школы — обнаруживает одновременно и крушение этой последней попытки буржуазной политэкономии создать законченную теорию и духовную бедность последних теоретических концепций, которыми буржуазия теперь располагает (математическая и англо-американская школы).

Кассель сторонник математического направления в политической экономии. Чтобы отчетливо представить всю призрачность той научности, которой теперь щеголяет Кассель, достаточно напомнить методологические основы математической школы и сопоставить их с методологическими основами марксовой теории, теперь единственно научной. Если для Маркса целью политической экономии является раскрытие законов возникновения, развития и уничтожения производственных отношений капиталистического общества, раскрытие сущности (внутренней нормы, закона) конкретных явлений капиталистической экономики,

если Маркс при этом последовательно придерживается принципа социальной обусловленности, примата производства, исторической и диалектической точки зрения, то у математической школы мы находим методологические положения совершенно отличные или даже противоположные. Основными чертами методологии математической школы являются: а) — исходной точкой хозяйственной деятельности человека математики считают потребности человека, хотя они, в отличие от австрийцев, большое внимание уделяют не субъективным переживаниям индивида, а зависимости этих переживаний от социальной среды; б) — математики не ставят себе цели вскрыть существо, природу экономических явлений, они ограничивают свою задачу установлением эмпирической закономерности этих явлений; в) — проблему причинной зависимости математики заменяют проблемой функциональной обусловленности; г) — математический метод исследования они считают единственно научным.

Кассель является одним из наиболее интересных представителей этого направления, так как он последовательно придерживается свойственного всему направлению метода и последовательно развивает основные положения и скрытые подчас у других представителей предпосылки. Вместе с тем Кассель стремится подчеркнуть объективный социальный характер экономических явлений, освободиться по возможности от лишнего психологизма.

Однако Кассель в действительности не может преодолеть частно-хозяйственной точки зрения. Да и самое понятие социального выступает у него в весьма превратно понятом виде. К утверждению того, что предметом учения о хозяйстве всегда служат явления социальные, его приводит представление, что всякое хозяйство возможно лишь на основе той или иной социальной организации. Социальная организация таким образом у него выступает, как prius по отно-

шению к хозяйственной деятельности людей. Социальная форма отрывается от материального содержания и противостоит ему как самостоятельная и независимая.

Определяя политическую экономию как науку о хозяйстве и исходя из того, что «природа этого хозяйства находится некоторым образом под влиянием сущности общественного строя, но в известной степени и независима от этого фактора», Кассель видит задачу политической экономии в том, «чтобы выявить степень этой независимости».

Мотивы такого определения «главной задачи» политической экономии ясны. Касселя беспокоят «утопии и революционные стремления». «В широкой массе существует кажущееся ей совершенно естественным представление, что все несчастья или все неблагоприятные явления хозяйственной жизни являются следствием коренных ошибок организации и формы общественного порядка. Это представление приводит людей к убеждению, что можно было бы легко добиться какого угодно улучшения, если бы только в их руках оказалась политическая власть, которая позволила бы им произвести необходимые преобразования в существующей организации общества» (Основные идеи, стр. 23.) Поэтому для него чрезвычайно важно показать, «что всякая хозяйственная необходимость имеет гораздо большее значение, чем это представляют себе дилетанты» (там же, стр. 24). Поэтому Кассель сводит абстрактный анализ хозяйственных явлений к абстрагированию хозяйственных явлений от общественной формы. «На первой ступени экономического исследования мы вообще не будем делать никакого предположения относительно общественного порядка. Мы тогда придем к общим выводам, которые будут иметь значение для каждого хозяйственного строя, независимо от внешних условий. Эти выводы будут, очевидно, относиться к самой сущности явлений экономической необходимости».

Анализ хозяйства, отвлеченного от общественной формы,

приводит Касселя к нескольким бессодержательным определениям, которые он рассматривает, как познание основы всех основ хозяйства.

Об этом приеме исследования Маркс в «К критике политической экономии» говорит: «В экономии вошло в моду предпосылать общую часть, которая и фигурирует как раз под заголовком «производство» и где обсуждаются общие условия всякого производства. Однако это все не то, что действительно обсуждают экономисты в вышеупомянутой общей части. Производство скорее должно быть изображено, в отличие от распределения, как заключенное в рамки вечных законов природы, независимых от истории, чтобы в этом случае исподтишка подсунуть буржуазные отношения в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto».

К этому сводится цель Касселя, которую он откровенно прокламирует. Задача политической экономии заключается в том, чтобы доказать значение «экономической необходимости» для всех общественных форм.

«Сущность всякого хозяйства заключается в заботах о человеческих потребностях». Общее условие всякой хозяйственной деятельности, определяющее хозяйственную деятельность как таковую, состоит в известном ограничении возможности удовлетворения совокупной потребности. Отсюда специфическая задача всякого хозяйства состоит в установлении соответствия между потребностями и средствами удовлетворения их наиболее рациональным способом.

Основным принципом хозяйственной деятельности, отличающим ее от других видов человеческой деятельности, является принцип недостаточности (Prinzip der Knappheit).

Принцип недостаточности выступает как всеобщий. Он не преодолевается наличием процесса производства, так как недостаточность в этом случае лишь меняет форму своего про-

явления. Нет благ невоспроизводимых и свободно производимых; и те и другие недостаточны: одни непосредственно, другие косвенно, поскольку не имеется в достаточном количестве необходимых средств производства. Закон недостаточности не только распространяется на «все блага мира», но он и исторически неограничен. Он не является законом одной какой-либо эпохи. Может измениться лишь форма его проявления, но сущность его является неизменной. Закон недостаточности относится, по существу, к законам естественного, а не общественного порядка. Кассель полагает, что открытие и разъяснение закона недостаточности является лучшим средством для преодоления вредных иллюзий, «единственным способом, при помощи которого наука может бороться со столь распространенной переоценкой могущества политической власти». При любой форме власти господство принципа недостаточности остается безраздельным, и, следовательно, экономическая сущность хозяйства всегда будет заключаться в классификации потребностей и распределении наличных благ.

В меновом хозяйстве задачу ограничения спроса в такой мере, чтоб он соответствовал предложению, выполняет ц е н а.

«Как только для какого-нибудь товара создалась цена, то удовлетворяется только тот спрос, который готов уплатить эту цену, всякий же иной спрос исключается из удовлетворения потребностей. Это есть принцип недостаточности в той форме, в какой мы встречаем его в меновом хозяйстве». Следовательно регулирование спроса посредством цены заключается в исключении менее важных потребностей. Теория цен и ценообразования занимает центральное место во всей системе Касселя и заключает в себе implicite — решение остальных проблем.

Каков же механизм установления цен? Кассель исходит из предположения, что цены первичных факторов производства (под которыми он иногда понимает средства производства

воообще, иногда же понимает как первичные в абсолютном смысле, как труд и землю) даны, и если при этом известно количество их, требующееся для производства каждой единицы предмета потребления, тогда можно вычислить и цену данного предмета потребления. «Потребители имеют в таком случае возможность определить свой спрос, и нам становится известным, какое количество потребуется каждого отдельного предмета потребления. Но этим самым становятся известными и величины основных факторов, требующихся для производства необходимых предметов потребления. Спрос и предложение на эти основные факторы должны тогда уравновешиваться» (Основные идеи, стр. 68). Кассель конструирует систему уравнений, дающую по его мнению разрешение всех спорных вопросов ценообразования.

Но удалось ли в действительности Касселю разрешить проблему цен?

Теория цен должна, по мысли автора, дать представление о механизме удовлетворения общественной потребности, о той специфической форме, в которой устанавливается равновесие в удовлетворении потребностей в условиях менового хозяйства. Цена есть механизм, регулирующий спрос путем исключения менее настоятельных потребностей.

Но цена выступает регулятором не производства и распределения, т. е. всего товарного хозяйства в целом, а является регулятором лишь потребления, рассматриваемого вне связи и независимо от производства.

Делая исходным пунктом своего исследования потребление, Кассель, как и другие математики, обнаруживает свое родство с австрийской школой.

Производство Касселем вводится как формальная уступка фактам. По существу же Кассель не меняет своего представления о фиксированном запасе благ. Производство сводится лишь к трансформации внешней формы. Исходным моментом у него, как и у австрийцев, остается потребление. Правда,

его не интересует отношение человека к вещи, он не ставит своей целью исследование этого отношения — что отличает его от австрийцев — а пытается найти механизм, управляющий системой общественного потребления.

В действительности все уравнения Касселя выражают только количественные отношения, существующие между отдельными величинами. Уравнения эти выражают лишь то, что на основании знания одних величин можно определить другие величины. Они выявляют функциональную зависимость, дают описание этих отношений. Но в этом ли заключается задача теории цены? Лишь та теория может претендовать на научное значение, которая сможет вскрыть на ряду с механизмом образования цен природу цены. Установление функциональной зависимости не может заменить анализа причинной зависимости. Поэтому и с точки зрения поставленной Касселем задачи — вскрыть «закон необходимости» ограничения потребностей в товарном хозяйстве — уравнения оказываются совершенно бесплодными.

В тесной связи с теорией цены стоит у Касселя теория денег и теория процента.

Появление денег Кассель объясняет наличием в меновом хозяйстве потребности в особой шкале для соизмерения стоимостей товаров и особых средств обращения. Кассель знает, что денежная единица вначале представляла какой-нибудь товар, следовательно, обладала определенной стоимостью. Но потом самым ходом развития эта единица постепенно превращалась во все более и более абстрактную единицу, теряющую всякую связь со своей материальной природой. Этому процессу «абстрагирования» денежной единицы от ее реальной стоимости в сильной мере содействовало развитие денег, как средства обращения. Дело в том, что, по Касселю, обычно оценка средств обращения в денежной единице устанавливается общественным авторитетом (правитель и т. п.), и в силу этого стоимость денежной единицы делается

зависимой от стоимости средств обращения, иными словами выражаясь, от ограниченности средств обращения. Поэтому в результате такого исторического процесса мы получаем отрыв денежной единицы от внутренней стоимости денежного материала; но одновременно с этим денежная единица приобретала покупательную силу, которая определялась уже исключительно ограниченностью средств обращения в товарном хозяйстве. Дав такой генезис денег, Кассель считает, что в остальном вся проблема денег сводится к установлению причин, определяющих покупательную способность денежной единицы, или, как он выражается в другом месте: «вся теория денежной ценности сводится к теории изменения общего уровня цен» (Theoretische Sozialökonomie, стр. 395). Покупательная же способность денег в конечном счете определяется состоянием запаса платежных средств.

Поверхностность теории Касселя в учении о деньгах бросается в глаза: отчетливо выступает небрежное смешение Касселем вопроса о деньгах как мериле стоимостей и деньгах как масштабе цен. Деньги, как мерило стоимости, в этой своей функции выступают идеально — это верно, но выступать в этой функции деньги могут только потому, что они товар, реальная стоимость, ставшая всеобщим эквивалентом, внешним мерилом стоимостей говара. Думать, что стоимость товаров можно выразить в каких-то идеальных единицах — значит не понимать самых элементарных отношений между товаром и деньгами. Правда, исторически подобные теории возникали не раз (достаточно вспомнить Беркли, Стюарта и т. п.), но как раз эти теории одновременно теряли, выражаясь словами самого Касселя, «связь и с действительностью и с логикой».

Деньги же, как масштаб цен, выступают на сцену тогда, когда товар, благодаря деньгам как мерилу стоимостей, оказываются превращенными в одноименные величины, и требуется найти единицу для измерения этих одноименных зо-

лотых величин. Деньги как масштаб золотых цен выступают просто как определенный вес денежного материала. Сам выбор этой весовой единицы производится обычаем или государственной властью. Для Касселя денежная единица не вес денежного материала, а условная единица, принятая государством.

Затем Кассель совершенно неправильно отождествляет стоимость денег и покупательную силу. Хотя Кассель без лишней скромности заявляет, что в его теории денег «нет ничего такого, что бы могло быть приписано влиянию других авторов», ни в каком случае нельзя считать Касселя в этом отношении оригинальным. Бейли, Д. Милль, позднее Виксель, Фишер — все они пользовались понятием покупательной силы денег. Теперь это, пожалуй, можно признать наиболее распространенным в буржуазной экономической литературе представлением. И тем не менее это отождествление покупательной силы денег и их стоимости совершенно неправильно.

Когда мы говорим о стоимости денег, мы должны иметь в виду, что эта стоимость денег проявляется в меновой стоимости, т. е. в определенном количестве потребительных стоимостей товаров. Когда мы говорим о покупательной силе денег, мы имеем в виду их относительную стоимость, т. е. стоимость, выраженную в ценах товаров. Совершенно очевидно, что стоимость денег, которая определяется их внутренней стоимостью, полученной в производстве, не может совпадать с их относительной стоимостью или с их покупательной способностью, которая выражается в других товарах и величину которой определяют не только стоимость золота, но и стоимость товаров. Правда, на поверхности явлений существуют только цены и только покупательная способность денег; правда, соблазн отождествить их большой, тем не менее такое отождествление неправильно. Больше того, оно уничтожает для буржуазной политической экономии всякую возможность вскрыть действительную связь между день-

гами и товарами, действительную природу денег и уяснить прочие явления денежного обращения. С самого начала при исследовании денежного обращения здесь допускается грубейшая ошибка: непонимание элементарной связи между товарами и деньгами. Кассель в этом смысле наиболее яркий пример.

Отождествляя покупательную силу и стоимость денег, Кассель попадает в заколдованный круг: стоимость денег определяется покупательной силой; покупательная же сила зависит от стоимости денег. Выход из этого круга Кассель находит в реставрации количественной теории денег.

«Я никогда не мог рассматривать, говорит Кассель, так называемую количественную теорию денег, как учение, истинность которого должна быть принята a priori» (105 стр.). Здесь весь Кассель: он возражает не против существа количественной теории, а против его догматического усвоения, принятия на веру. Сам он «проверил» эту теорию на фактах (главным образом денежного обращения военного времени) и в результате этих изысканий пришел к признанию основ этой количественной теории, которая, по его словам, в новейшей ее форме кажется совершенно бесспорной. И, разумеется, эту новейшую формулировку Кассель приписывает себе. В чем она? «Моя формулировка заключается в следующем: выпуск новых платежных средств создает дополнение к существующей покупательной способности и вызывает повышение цен» (44). Если сравнивать эту формулировку количественной теории денег с прежними, то нельзя не заметить, что она во всем воспроизводит старых количественников (Рикардо и др.). Различие касается только одного пункта: в то время как старые количественники считали, что выпуск новых средств обращения приводит к падению ценности денег по отношению к товарам, Кассель считает, что увеличение количества денег как средств обращения приводит прямо к повышению цен. Другими словами, раз-

личие между ним и старыми количественниками только формальное: ошибочную количественную теорию Кассель излагает в обратном порядке причин и следствий. И только отождествив стоимость денег с покупательной силой и поставив последнюю в зависимость от недостаточности денег, как средств обращения, Кассель приходит к выводу, что при любом устройстве денежного обращения (бумажном, золотом, банкнотном) действует этот принцип недостаточности. Регулирование покупательной силы денег при банкнотном обращении, которое Кассель считает практически самым важным, представляется ему как определение их покупательной силы путем регулирования их количества.

Основным рычагом в этом регулировании является учетный процент, т. е. та цена, которую банк взимает за предоставляемые клиентам ссуды.

Теория денег Касселя построена на том же основании, что и теория ценообразования, представляя собой частный случай общей теории цен. Этим основанием является принцип недостаточности.

Частный случай общего закона ценообразования представляет у Касселя и процесс установления процента и прибыли. В теории процента и прибыли Кассель близко подходит к Бем-Баверку. Прежде всего эти категории у него не связаны с какой-нибудь социальной формой хозяйства. Они коренятся в самой природе хозяйствования. Все блага, по Касселю, делятся на две группы: одни потребляются сразу, потребление других носит длительный характер. Блага второго порядка могут быть либо проданы, либо переданы в чье-либо пользование. Кассель различает технический процесс производства от экономического процесса. Первый заканчивается в момент завершения, напр., фабричного здания; второй будет закончен только тогда, когда это здание будет потреблено, т. е. изношено. Поэтому в отношении этих длящихся благ всегда приходится ждать получения их стоимости.

Это ожидание со стороны фабриканта есть услуга, а функция ожидания есть необходимая функция процесса производства. С другой стороны, сам технический процесс производства, протекая во времени, также обусловливает необходимость ожидания. Это ожидание со стороны капиталиста означает отказ капиталиста от пользования капиталом. Кассель называет это «Kapitaldisposition», или распоряжение капиталом. Источником этого распоряжения является накопление. Если бы размеры «Kapitaldisposition» были безграничны, если бы спрос на капитал всегда удовлетворялся, то, очевидно, цена на этот капитал (или процент) не могла бы возникнуть. Таким образом закон образования процента сводится в конечном итоге к законам ценообразования вообще, именно к «железному закону» недостаточности.

Учение Касселя о проценте держится на трех китах: 1) он считает, что «распоряжение капиталом» представляет распоряжение невоспроизводимым благом; 2) что предложение этого блага постоянно; 3) что понижение процента вызывает увеличение спроса на «распоряжение капиталом», который не может быть удовлетворен.

Если даже оставить в стороне такие возражения Касселю, что его учение о проценте не исторично, не социологично и т. п., если стать на точку зрения самого Касселя — и тогда его теория окажется несостоятельной вследствие внутренних ее противоречий. Так, например, Кассель считает, что источником «распоряжения капиталом» является накопление, а так как последнее — результат воспроизводства, то нельзя понять, почему «распоряжение капиталом» не воспроизводимое благо. Далее Кассель считает, что предложение «распоряжения капиталом» постоянно; но, признавая накопление капитала результатом процесса расширенного воспроизводства, следовало бы признать и возможность увеличение «распоряжения капиталом». Наконец, тезис о том, что понижение процента должно приводить к недостаче

предложения капитала, равным образом несостоятелен, так как уравнение спроса на капитал не должно приводить к увеличению потребления и, следовательно, к уменьшению накопления. Нечего уже и говорить о том, что с точки зрения позиции Касселя невозможно объяснить ни колебаний процентных ставок, ни тенденций понижения нормы процента в ходе развития общества. Так Кассель запутывается в противоречиях. Это особенно сказывается в отношении учения о проценте тогда, когда он, прокламируя ограниченность «распоряжения капиталом», одновременно утверждает неограниченную способность банков создавать новую покупательную силу, способность банков менять соотношения между спросом и предложением на «распоряжение капиталом», на величину процента.

Общим и решающим моментом во всех рассмотренных проблемах у Касселя является принцип недостаточности. Явная произвольность этого принципа слишком очевидна. Но вместе с этим основанием рушится все здание, возведенное Касселем. Претензии Касселя на оригинальность в разрешении основных проблем политической экономии точно также следует признать неосновательными. Его теория представляет собой лишь перепев старых, отошедших в вечность теорий.

Е. Качуринер.

94-44-24

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

В настоящих четырех лекциях, которые я прочел летом 1925 года в Мюнхенском и Лондонском университетах, я сделал попытку изложить основные идеи, руководившие мною в различных экономических исследованиях, в виде логически связанной системы народного хозяйства.

Моя научная задача не заключалась, однако, в построении системы, которая давала бы ключ к вечной истине и в которую можно было бы во что бы то ни стало втиснуть действительность. Такой способ работы нельзя назвать научным. Но если различные мои исследования, как я надеюсь, все же образуют нечто единое и в известном смысле могут рассматриваться как экономическая система, которую я, разумеется, ни в коем случае не считаю системой совершенной, то этим я обязан тому, что и мои методы, и моя цель всегда определялись исключительно экономической природой изучаемого вопроса. Если быть последовательным в применении этого правила, то нужно притти к заключению, что политическая экономия вовсе не оставляет столько места для свободного выбора методов, как это себе обычно представляют. Явления хозяйственной жизни, взятые в массе, имеют характер необходимости. В такой же мере и методы анализа этой хозяйственной жизни в действительности обусловливаются в значительной степени известной внутренней необходимостью. Задача заключается в выявлении законов этой необходимости. Если мы попытаемся это сделать и все вни-

Финансовая Академия при Правительстве Российской Федерации БИБЛИОТЕКА

мание направим на то, что с чисто экономической точки зрения является самым существенным в изучаемом явлении, то мы придем к заключению, что все наши выводы находятся в естественной неразрывной связи и образуют одно логическое целое.

Именно с этой основной точки зрения я имею сейчас намерение представить краткое изложение задач и методов политической экономии.

Прежде всего политическая экономия должна выяснить вопрос о своем праве на существование как науки. Предметом изучения этой науки является хозяйственная жизнь. Совершенно естественно возникает вопрос: не лучше ли понимают эту жизнь те люди, которые стоят непосредственно в центре этой жизни и практически разрешают все ее проблемы, чем люди, стоящие в стороне и получающие возможность знакомиться с действительными хозяйственными процессами только из вторых рук. Представители промышленности, торговли и банков действительно знают часто гораздо больше, чем люди науки, что происходит в соответствующих областях. В этом отношении наука неизбежно вынуждена уступать людям практики. Поэтому, если политическая экономия имеет право на существование, то именно в том смысле, что у нее имеются особые задачи, которыми люди практики не интересуются. Углубленный анализ того, что отличает научные исследования от практики хозяйственной жизни, очень полезен для самой науки, если она хочет иметь совершенно ясное представление о своих собственных особых задачах.

Когда наука говорит о причинах и следствиях, она прежде всего должна всегда изучать предмет *во всем его целом*. Она не должна останавливаться на одном каком-нибудь произвольно избранном звене всей цепи. Она должна изучать совокупность всех явлений, которые в действительной жизни тесно связаны друг с другом. Практический же деятель в большинстве случаев довольствуется тем, что

может составить себе правильное суждение о ближайших следствиях своих действий. Если бы он попытался проникнуть глубже в занимающий его вопрос, то он мог бы потерять не только время, но, может быть, и волю к определенной деятельности. Кроме того для каждого практика его собственное дело является по своему значению как бы центром всей хозяйственной жизни. Для науки такая точка зрения совершенно неприемлема. Наука должна рассматривать хозяйственную жизнь во всем ее целом, и все отдаленные явления, которые совершенно уходят из поля зрения практического деятеля и его не интересуют, имеют для науки такое же значение, как и явления близкие.

Практическим следствием этого является необходимость для самой науки всегда иметь в основе целый круг хозяйственных явлений в качестве предмета своих исследований. Это надо понимать таким образом, что наука о хозяйстве должна мыслить хозяйство, которое она изучает, как целое, заключенное в самом себе, без связи с внешним миром. Ибо если допустить эту связь, то становится необходимым включить в круг изучения и эти явления связи для того, чтобы получить полное представление о всей совокупности причинно-связанных явлений. Иначе говоря, это значило бы расширить предмет изучения и охватить более широкий, но все же замкнутый в себе круг хозяйственного целого. Это целое может быть, по желанию, например, малой замкнутой в себе единицей крестьянского хозяйства или большой единицей, как, напр., хозяйство современного народа или, наконец, как мировое хозяйство. Выбор предмета изучения определяется характером исследования, но, во всяком случае, весьма существенным условием является выбор замкнутого в себе хозяйственного целого.

Такое хозяйство постоянно имеет своей основой более или менее широко развитую социальную организацию; поэтому предметом учения о хозяйстве в сущности всегда слу-

*

жат явления социальные. Для того, чтобы это особенно отчетливо подчеркнуть, следовало бы нашу науку назвать «социальной экономией». Исходя из этого взгляда, я назвал свою основную работу из этой же области «Теорией социальной экономии». [1]

В действительности, разница между социально-экономическим и частно-экономическим методом изучения хозяйственных проблем весьма существенна. Разница эта так велика, что суждение, совершенно правильное по отношению к области частного хозяйства, в применении к области общественного хозяйства может оказаться совершенно неправильным. Так, напр., для единичной личности очень выгодно иметь много денег, между тем как для целого общества это невыгодно. Многое из того, что кажется возможным с точки зрения частно-экономической, становится невозможным по отношению ко всему общественному хозяйству. Например расходование капитала является для отдельного капиталиста вещью весьма простой, между тем как для общества, как целого, оно совершенно невозможно, если не считать отдельных случаев, когда понятию о расходовании капиталов придается особое понимание.

Наука и практическая хозяйственная мысль расходятся еще и в другом отношении. Наука всегда стремится изучать конкретную действительность хозяйственной жизни, между тем как практический деятель ограничивается в своем мышлении большей частью пониманием внешних форм хозяйственных процессов. Это утверждение может с первого взгляда показаться рискованным. Обыкновенно допускают a priori, что практики стоят в хозяйственной жизни ближе к конкретной действительности, и что теоретики, наоборот, скорее склонны к абстрактному мышлению. Но в области экономии дело обстоит не так. В современном хозяйстве так

[1] Третье издание, Лейпциг, 1923 г.

привыкли все стоимости выражать в абстрактных денежных единицах, что для современных практиков абстрактные денежные суммы являются единственной действительностью. Доходы представляются в виде определенных денежных сумм, и мысль о том, что наши действительные доходы выражаются в потребляемых нами благах и в услугах, кажется даже странной. Состояние, которым владеет определенное лицо, представляют себе в виде известной суммы денег, и если говорят о том, что человек разбогател, то представляют себе это в таком виде, что он приобрел известную сумму денежных единиц, и говорят, например, что он в этом году «заработал миллион марок». Этот доход, выраженный в определенной сумме денег, представляют себе запертым в денежном шкафу и готовым в любой момент для употребления, напр., для уплаты налогов или для другой цели. Военные расходы также представляют себе в цифровом выражении, и победителям кажется вполне справедливым получить возмещение этих расходов в виде определенного количества миллиардов. И наоборот, — им кажется весьма странным и очень нежелательным получить от прежних врагов компенсацию в виде излишка экспортных товаров. Такого рода воззрения совершенно невозможны с точки зрения социально-экономического исследования, которое прежде всего должно стремиться проникнуть в глубь внешних явлений и понять конкретную действительность, стоящую за этими явлениями. Эта задача, правда, не всегда легка. Тот способ, при помощи которого экономист решает такую задачу, имеет в значительной мере решающее значение для оценки научных достоинств его работы и для практической пользы, которую можно из нее извлечь.

Политическая экономия должна, разумеется, также заниматься вопросом о денежной форме, в которой выражаются экономические явления в практической жизни. Из этого следует, что во многих случаях становится необходимым давать

двойное описание хозяйственной жизни, во-первых, с точки зрения материальных факторов и, во-вторых, с точки зрения денежного выражения, в котором эти факторы большей частью проявляются. Принимая во внимание это обстоятельство, я считал необходимым ввести двойную терминологию уже при изложении элементарных понятий, например, реальный капитал и реальный доход, с одной стороны, и денежный капитал и денежный доход, с другой стороны, хотя мы могли бы последние два выражения заменить обыкновенными выражениями «капитал и доход», чтобы приблизиться к обычной терминологии практической жизни.

Представления и методы политической экономии отличаются не только от представлений практической жизни, но также весьма существенно и от тех представлений, которые в большинстве случаев господствуют в экономической политике. Политический деятель привык концентрировать все свое внимание на власти, и для него является вполне естественным представление, что в экономической области все достижимо при условии, если располагаешь необходимой политической властью. Политические деятели даже убеждены в том, что, пользуясь лишь своей политической властью, они могут предотвратить логические следствия их собственных мероприятий! Конечно, такая переоценка власти безусловно ненаучна. Одна из важнейших задач политической экономии в том и заключается, чтобы найти те границы достижимого, которые определяются действительностью и необходимыми взаимоотношениями всей хозяйственной жизни. Разумеется, человеческая воля может в высокой степени влиять на формы и условия экономической жизни и на результаты всего хозяйственного процесса. Это, собственно, является той существенной частью человеческой деятельности, которую мы называем экономической политикой. Однако далеко не все поддается влиянию и далеко не все достижимо. Известные границы в этом отношении суще-

ствуют, и некоторые необходимые взаимоотношения никоим образом нельзя произвольно устранить. Выявление этой экономической необходимости и правильное ее освещение входят в задачи политической экономии.

В вопросе об идеальных формах организации общественного порядка в настоящее время существуют превратные представления и совершенно наивное преувеличение влияния политической власти. В широкой массе существует кажущееся ей совершенно естественным представление, что все несчастья или все неблагоприятные явления хозяйственной жизни являются следствием коренных ошибок организации и формы общественного порядка. Это представление приводит людей к убеждению, что можно было бы легко добиться какого угодно улучшения, если бы только в их руках оказалась политическая власть, которая позволила бы им произвести необходимые преобразования в существующей организации общества. Более подробное исследование могло бы показать, что все утопии и все революционные стремления в конечном итоге основаны на комплексе этих совершенно наивных представлений. Чрезвычайно важно поэтому исследовать, в какой мере различные стороны нашей хозяйственной жизни зависят от форм организации общественного строя и в какой мере они независимы от него. Это, действительно, одна из значительнейших задач политической экономии. Для разрешения этой задачи наука должна при изучении каждого явления выяснить, каково значение результатов этого исследования, имеется ли и в какой мере имеется зависимость от соответствующих форм общественного строя, или же такой зависимости совершенно нет, а если такая зависимость действительно установлена, то каким образом можно было бы представить себе это явление при другом воображаемом общественном строе. Предположим, что многие считают процент на капитал незаконным, что при другом, разумно организованном общественном строе он не

существовал бы. В этом случае задача науки должна заключаться в том, чтобы установить, в какой мере процент на капитал является необходимостью или какие формы он должен был бы принять при другом общественном строе, радикально противоположном нашему. При таком изучении этого вопроса обнаружилось бы, что всякая хозяйственная необходимость имеет гораздо большее значение, чем это себе представляют дилетанты, которые заняты построением произвольных планов нового общественного порядка. При серьезном изучении социальных отношений чрезвычайно важно руководствоваться социально-экономической теорией, которая на изложенных выше основах последовательно стремится к познанию общественного хозяйства в целом, затем к познанию экономических факторов, находящихся позади денежных форм, и далее к познанию степени небходимости, лежащей во взаимной зависимости явлений общественной жизни. Только такая теория может служить основой для выработки ясного представления о комплексе тех проблем, которые обыкновенно носят название «социального вопроса».

Уже одна эта задача, стоящая перед теорией, заключает в себе общее, но ценное указание на те методы, которые она должна применить. Однако вопрос о методах и принципах научного анализа нуждается в еще более детальном обсуждении. Нужно еще признать, что в самом выборе методов также существует элемент необходимости и что этот выбор ни в каком случае не может быть в такой мере произвольным, каким он был до сих пор в области нашей науки, где почти каждый писатель полагал, что он должен установить собственные новые определения и создать собственные методы для изучения проблем. Благодаря этому, произвольные воззрения играли гораздо более значительную роль, чем это допустимо. В результате получилось, к крайнему сожалению, то отсутствие единства, можно даже сказать, та анархия в

области экономических учений, которая молодого неопытного студента в состоянии привести в отчаяние и которая, быть может, не имеет аналогии ни в какой другой прикладной науке.

Если бы при выборе того или иного метода в политической экономии решающее значение получила экономическая точка зрения, то положение могло бы уже улучшиться. Это требование кажется очень простым, однако часто его упускают из виду. В действительности целый ряд серьезных разногласий в политической экономии, а также все построение наиболее употребительных учебников ее основаны скорее на технической, чем на чисто экономической точке зрения.

Остановимся прежде всего на общих методах, которые должны применяться наукой. Существует ли нечто в природе данного вопроса, что принципиально определяет эти методы? Предметом нашей науки является хозяйство определенной социальной единицы. Природа этого хозяйства находится некоторым образом под влиянием существующего общественного строя, но в известной степени она и независима от этого фактора. Главная задача политической экономии состоит, как я уже говорил, в том, чтобы выявить степень этой независимости и на каждой ступени анализа показать, какое значение могут иметь ее выводы в действительности.

Для достижения этой цели мы должны были бы поставить себе за правило при наших основополагающих исследованиях вводить только минимум предположений относительно организации и форм общественного порядка. На первой ступени экономических исследований мы вообще не будем делать никаких предположений относительно общественного порядка. Мы тогда придем к общим выводам, которые будут иметь значение для каждого хозяйственного строя независимо от внешних условий. Эти выводы будут, очевидно, относиться к самой сущности явлений экономической необхо-

димости. Но если бы мы пожелали остановиться на экономических условиях нашего времени, тогда явилась бы необходимость ввести специальные предпосылки относительно общественного строя. Наиболее важное значение будет иметь в этом отношении предпосылка о меновом хозяйстве, т. е. о таком общественном строе, при котором отдельные хозяйства производят не для самих себя, но для всего общества, и при котором они регулярно обменивают производимые ими изделия или услуги на все то, что им требуется для собственных надобностей. Тогда возникнет целый ряд явлений, которые характерны для данной формы хозяйства, прежде всего цена и весь тот процесс, который определяет цены. Значение наших выводов ограничится и еще больше сузится, если ввести еще дальнейшие предположения, как, например, предпосылку о частном руководстве в промышленности и частной собственности на средства производства или о системе свободной конкуренции. Важнее всего при этом: никогда не вводить больше предпосылок, чем этого требует природа самого исследования, для того, чтобы полученные выводы ни в одной стадии этого исследования не были ограничены в своем значении больше, чем это зависит от самих предпосылок, положенных в основу исследования. Это важно еще потому, что если бы наши выводы без нужды потеряли какую-нибудь часть своего значения, то вместе с этим была бы утеряна и часть достигнутого познания, и, может быть, именно та часть, которая почему-либо представляет для нас наибольший интерес.

Соблюдение этого правила дает возможность судить о том, в какой мере экономические условия независимы от произвольного преобразования общественного порядка. Это, действительно, является единственным способом, при помощи которого наука может бороться со столь распространенной переоценкой могущества политической власти. Такое исследование экономической жизни имеет большое значение для

самой науки. Оно является для нее подсобным средством для более глубокого изучения и понимания истинной природы важнейших экономических явлений.

Иногда бывает полезно представить себе, какие формы могли бы принять некоторые стороны современной экономической жизни в воображаемом чисто социалистическом обществе, в котором все производство управлялось бы единой властью, и каким изменениям подвергались бы в таком обществе известные нам экономические явления. Такое исследование показывает, что вера социалистов-догматиков в силу радикально-преобразующего влияния такого общественного порядка на основные хозяйственные процессы лишена внутреннего обоснования, и что эта вера является лишь суеверной переоценкой могущества политической власти. Такое исследование способствует далее новому освещению важнейших сторон нашей современной хозяйственной жизни. Ибо социалистическое общество можно с известной точки зрения рассматривать как простейшую форму менового хозяйства, и теоретический анализ такого гипотетического хозяйства может поэтому оказаться очень ценным средством для выяснения реальных проблем нашего современного хозяйства. Это едва ли можно сказать о «робинзоновом хозяйстве», которому политическая экономия уделила так много лестного внимания. Ибо хозяйство, каким мы его знаем, является по своей сущности социальным процессом, и наука о хозяйстве может поэтому очень мало выиграть от изучения хозяйства изолированного индивидуума.

В отношении предпосылок, касающихся внешних условий, ограничимся сказанным. Что касается собственного ее предмета, то в политической экономии метод научного исследования должен быть таким же, как и при всяких других теоретических исследованиях: необходимо от простейших и, таким образом, самых абстрактных случаев переходить к случаям

более сложным и более конкретным. Нельзя произвольно избирать тот или иной предмет, так как метод в сущности определяется внутренней природой самих обсуждаемых фактов. Если переходить от простейших к более сложным, то метод в сущности уже определяется сам собою, лишь только мы себе ясно представим, что̀ именно главным образом усложняет наши исследования в специальной области. Сложность экономической жизни без всякого сомнения зависит всего более от постоянной ее изменчивости. Исходя из этого, необходимо при исследовании переходить от стадии к стадии, от абстрактного к конкретному. На первой ступени мы совершенно абстрагируем от изменчивости и делаем, таким образом, предметом исследования чисто статическое хозяйство. На второй ступени мы можем ввести такие динамические условия, которые возможно рассматривать также в статической форме, иначе говоря, мы предполагаем равномерное развитие этого хозяйства. Эту стадию мы могли бы назвать «квазистатической» стадией. В третьей стадии необходимо изучать уже собственно динамику хозяйства.

Этот способ исследования, вытекающий из самой природы вопроса, требует различных методов на различных ступенях изучения. На первой и на второй ступени необходимо, очевидно, применять чисто дедуктивный метод. Ибо предпосылки, от которых мы исходим на этих ступенях исследования, являются абстрактными, и в действительной жизни такие ступени фактически не наблюдаются. Но когда мы переходим к динамической стадии исследования, проблема принимает другой вид, ибо в этой стадии мы должны заняться изучением отклонений действительной жизни от того равномерного развития, которое мы раньше рассматривали. Это, конечно, возможно только при помощи индуктивных методов, которые эти отклонения вскрывают и отмечают и которые в дальнейшем, благодаря соответствующей классифи-

кации фактов, помогают находить и причины таких отклонений.

Вопросы конъюнктурных движений представляют собой в политической экономии типичный пример такого индуктивного метода исследования, который диктуется самой природой этих вопросов. В той части моего труда «Theoretische Sozialökonomie», в которой я рассматриваю конъюнктурные движения, я соответственно этому пользовался чисто индуктивным методом. Я пытался там использовать собранный статистический материал таким образом, чтобы при его помощи отчетливо увидеть типичные отклонения от равномерного экономического развития, которые характерны для периода между временем окончательной победы индустриализма и началом мировой войны. (См. «Theoretische Sozialökonomie», 4 часть). Некоторые из моих критиков сделали мне упрек за это неожиданное отклонение от дедуктивного метода, который доминирует в предыдущих частях моего труда, где я рассматриваю статические и квази-статические стадии развития. Но изменение метода в данном случае никоим образом не было произвольным. Оно, наоборот, необходимо обусловлено переходом от статических к динамическим явлениям.

Предпосылки статической и равномерно развивающейся формы хозяйства сами носят в себе элемент необходимости. В отношении статической формы хозяйства это совершенно очевидно. Необходимость исследования равномерно развивающегося хозяйства связана с потребностью наибольшего упрощения представления о развитии хозяйства. Наиболее существенные черты хозяйственной жизни заключаются только в развивающемся хозяйстве, но нельзя получить о них ясного представления, если не исходить из предположения равномерного развития хозяйства. Но и для дальнейшего изучения чисто динамических явлений необходимо вводить равномерное развитие, в виде масштаба, для сравнения с ним

тех отклонений, которые в действительной жизни имеют место в динамических явлениях. Как только мы имеем такой масштаб для сравнения, эти колебания приобретают характер отклонений от нормальной кривой, представляющей собою равномерное развитие. Эти соображения совершенно ясно показывают абсолютную необходимость предположения равномерного развития для исследования динамики хозяйства.

Упомянутые здесь упрощающие предположения по существу достаточны, и в других упрощениях надобности больше нет. Нужно считать, например, совершенно излишним предположение о такой форме общественного хозяйства, в которой отсутствуют деньги, но существует регулярный товарообмен. Такое предположение не только излишне, но оно и совершенно неправильно. Предположение, которое состоит в том, что можно представить в более простой форме всю сложность нашей хозяйственной жизни, если исключить из нее употребление денег, привело к построению в политической экономии такой специальной теории стоимости, которая в большинстве учебников рассматривается как необходимая подготовка к теории цен. В противоположность такому взгляду, я намерен в дальнейших своих лекциях доказать, что такой способ исследования не только излишен и связан с напрасной тратой времени, но и неправилен, так как количественная теория стоимости является по необходимости также и теорией цен, которая предполагает существование денег, по крайней мере как счетной единицы.

Наиболее существенная черта хозяйственной жизни заключается в том, что все течет и что, следовательно, нет ни начала, ни конца. Учение о хозяйстве вынуждено поэтому делать предметом своего изучения *длительную форму хозяйства* и именно длительный производственный процесс. Это обстоятельство имеет решающее влияние на понимание важнейших центральных проблем по-

литической экономии и на те методы, которые применяются ею для исследования этих проблем. Прежние методы исследования, при которых процесс изготовления товара рассматривался последовательно от начала до конца, основывались главным образом на технической, но не исключительно на экономической точке зрения. При таком способе исследования многие существенные черты хозяйственной жизни оставались принципиально непонятными. Это относится прежде всего к процессам сбережения и образования реального капитала, которые могут быть только тогда поняты как социально-экономические и длительные процессы, если они рассматриваются как составные части длительной формы общественного хозяйства. В таком освещении накопление теряет свое прежнее значение, как накопление товаров для целей дальнейшего потребления. Накопление в длительно существующей форме хозяйства никогда не выражается в виде готового продукта. Накопление в этом смысле представляет собой свободное сохранение факторов производства для специальных целей—для большего образования реального капитала. Таким образом возможность постоянного накопления реального капитала получает свое истинное объяснение. (См. «Theoret. Sozialökonomie», § 6.)

Только при изучении длительной формы хозяйства становится ясной также и проблема процентов. Тогда проценты на капитал нельзя рассматривать как фактор отдельного хозяйственного процесса, имеющего начало и конец, или как доплату при обмене будущих благ на наличные блага. Проценты, наоборот, являются регулятором, задача которого заключается в сохранении равновесия длительной формы общественного хозяйства. Такая точка зрения дает возможность уяснить себе ту глубокую взаимную связь, которая существует между размером процентов и темпом всего общественного развития. Размер процентов, с одной стороны, обеспечивает известную степень сбережений, но

одновременно ограничивает спрос со стороны производства на свободную наличность этих сбережений.

Все эти примеры подтверждают правильность того принципа, что предметом наших исследований нужно всегда делать все народное хозяйство в целом. А необходимость изучения хозяйства в процессе длительного его развития является в действительности только логическим следствием этого общего принципа. Ибо народное хозяйство имеет всегда характер длительный, не похожий на те отдельные временные явления, которые существуют внутри рамок народного хозяйства.

Если мы свяжем эти основы исследования с тем принципом, что нужно постепенно переходить от статической к квази-статической стадии равномерного развития и, наконец, к динамической, то этим самым дается весь план исследования. Мы начинаем с анализа длительной статической формы хозяйства, в которой все остается без изменения. Здесь мы имеем наиболее благоприятный случай для определения основных понятий учения о народном хозяйстве. Затем мы переходим к форме равномерного развития хозяйства, в которой особенно проявляются процессы накопления и роста реального капитала, могущие служить для изучения, как постоянные явления. Когда мы прошли эти предварительные этапы, мы в достаточной мере подготовлены к изучению динамической стадии хозяйства. Всю проблему конъюнктурного движения должно и можно изучать, в сущности, как проблему известных колебаний в беспрерывном развитии длительно существующего хозяйства.

Я имел здесь возможность дать только краткие указания о методах политической экономии. Я надеюсь, однако, что мне удалось выяснить, какое важное принципиальное значение имеют в политической экономии методы, которые она не может выбирать произвольно под влиянием случайной

точки зрения. Она должна выбирать свои методы сознательно, строго сообразуясь с сущностью хозяйственной жизни и с теми требованиями, которые с необходимостью предъявляются к этим методам.

Политическая экономия изучает, главным образом, количественные отношения. Мы должны поэтому пытаться все явления хозяйственной жизни, привлекающие к себе наше внимание, выражать в точных количественных определениях. Основным условием для хорошего экономического образования являются поэтому навыки мыслить количественно и представлять себе все в цифрах. Политическая экономия действительно тяжело страдала из-за недостатка количественного определения понятий, подвергавшихся обсуждению. Часто ограничивались самыми неопределенными, ни к чему не обязывающими, но и ничего не выясняющими выражениями. Иногда применялись резкие определения, чтобы произвести впечатление чего-то весьма важного и чтобы таким способом навязать читателю определенные взгляды. Такой способ исследования нельзя, конечно, назвать действительно научным. Поскольку это является возможным, мы должны стараться все наши экономические выводы строить на фактических цифровых данных, даже если они являются только приближенными. Вычисленная или даже предположительная цифра все же лучше, чем отсутствие какой бы то ни было цифры, так как она помогает нам фиксировать нашу мысль, связывает нас в наших предположениях о других цифрах, относящихся к данному вопросу, и, таким образом, препятствует приходить к совершенно ложным выводам. Цифровая оценка полезна еще потому, что она дает представление об относительном значении различных величин, которые мы должны принять во внимание. Количественные отношения вообще очень важны в политической экономии; мы легко впадаем в ошибки и имеем мало шансов добиться ценных выводов, если не имеем в своем распоряжении количествен-

ных величин, при помощи которых можно отличить существенные факторы от несущественных.

Лучшим доказательством полезности мыслить количественно в политической экономии служат те многочисленные случаи, когда один результат можно приписать нескольким причинам, влияние которых нужно определить. Последнее возможно только при условии, если составить себе количественное представление о влиянии каждой из этих причин в отдельности. Однако это условие очень часто игнорируется. Часто нагромождают возможно большее число самых разнообразных причин, не имея достаточно ясного представления о том, каково их взаимодействие между собою. В таких случаях мы оказываемся перед громадным количеством причин, которые, вместе взятые, вызывают явление гораздо более сложное, чем то явление, объяснения которому мы ищем!

Если необходимо выяснить влияние различных причин, вызывающих вместе один какой-нибудь определенный результат, то необходимо применить следующий способ исследования. Сначала нужно определить наиболее существенные причины и изучить их влияние, затем выделить их совместное влияние из общего результата. Тогда останется найти объяснение для небольшого остатка, и, таким образом, для дальнейших исследований уже образуются узкие рамки. Возможно, что мы не добьемся благоприятных результатов, но такое ограничение поля исследования очень часто облегчает изучение проблемы, благодаря тому, что неизвестные, менее важные факторы рассматриваются в их отношении к другим известным и более важным факторам.

Известный пример так называемой количественной теории в учении о деньгах делает такой способ исследования понятным. Совершенно очевидно, что количество платежных средств, циркулирующих в стране, прежде всего соответствует количеству товаров, находящихся в обращении, а

также зависит от общего уровня цен, причем это количество денег находится в известном соотношении с этими обоими факторами. Может, однако, случиться, что в этой проблеме играют роль также и некоторые другие факторы. Анализ этих факторов, однако, сильно облегчится и, во всяком случае, не усложнится, если мы при помощи количественной теории выделим сначала из нашей проблемы более существенные факторы и общее их влияние. Некоторые противники количественной теории доставляют себе иногда удовольствие тем, что приводят случаи, когда факты якобы не совпадают с теорией. Они тогда торжествующе требуют у представителей теории объяснения. Но в действительности гораздо интереснее было бы услышать в таких случаях объяснения самих противников. Ибо они не смогут найти путей к более детальному анализу всех затруднений, который становится возможным только при помощи количественной теории и путем выделения основных факторов.

Можно было бы привести целый ряд примеров, которые выясняют действительную пользу количественных методов в политической экономии. Но я ограничусь в дальнейшем только двумя особенно важными примерами.

1. Чисто качественная теория процента не имеет особой цены. Мы желаем знать — не только то, почему существуют проценты, но и почему их размер именно таков, какой он есть в действительности. Та теория процента, которая не объясняет, почему его размер составляет пять на тысячу или пять на сто, вообще не может рассматриваться как действительная теория. Она не может дать никакого удовлетворительного ответа на основной вопрос о необходимости процентов вообще. Если мы утверждаем, что проценты являются одним из необходимых элементов хозяйственной жизни, то мы должны также доказать, что общий размер процента не может продолжительное время держаться ниже определенного уровня. При более глубоком исследовании

*

этого вопроса можно установить тот факт, что этот нижний предел находится в тесной зависимости от средней продолжительности человеческой жизни. (См. Theoret. Sozialökonomie, § 25). Количественный метод оказался очень продуктивным в том отношении, что он придал правильную форму интересующему нас вопросу и одновременно указал путь к его решению.

2. Теория вексельного курса очень сильно страдала из-за представления о том, что колебания вексельного курса между двумя странами зависят либо от превышения спроса, либо от превышения предложения иностранной валюты. Количественный же метод сразу делает ясным, что спрос и предложение должны соответствовать друг другу, т. е. что платежный баланс между обеими странами должен ежедневно уравниваться. Это простое наблюдение вынуждает нас искать более глубокого объяснения для сравнительной стоимости двух валют, оно ведет нас к теории паритетов по покупательной способности, которая усматривает первичную основу для оценки валюты в ее внутренней покупательной способности. [1]

Количественный метод имеет решающее значение также при изучении всех динамических явлений. Я уже раньше упомянул, что такие исследования необходимо начинать всегда наметкой нормальной кривой равномерного развития. В таких вопросах наука не может обойтись одними качественными методами. Если раньше хотели, например, объяснить влияние усиленного притока золота на общий уровень золотых цен, то удовлетворялись обычно следующими качественными утверждениями: «Данный период отличается избыточным притоком золота, вызвавшим общее повышение цен». Но таким путем еще никогда не удавалось найти правильного объяснения этой проблеме. Иначе оно и быть не может, так

[1] G. Cassel, „Das Geldproblem der Welt", München, 1922, 5 Кар.

как нельзя знать, что нужно понимать под «чрезвычайно избыточным притоком» или под «недостаточным притоком». Лишь после того, как для известного периода установлена нормальная кривая золотого запаса, которая представляет собой равномерный рост этого запаса за определенный период времени, в течение которого цены остаются без изменения, — только после этого становится возможным определить для каждого года в отдельности, является ли запас золота нормальным или нет, а в последнем случае можно уже установить и степень отклонения. Так как только эти отклонения оказывают влияние на общий уровень цен, то ясно само собой, что в данном случае к окончательному результату может привести только применение строго количественного метода. То же самое можно сказать и о других динамических проблемах и прежде всего о проблемах, связанных с конъюнктурными движениями. Нельзя получить представления о неравномерном развитии, если предварительно не изучить равномерного развития. Но равномерное развитие выражается прежде всего в равномерном росте реального капитала. Уже одно это соображение дает ключ к анализу основ конъюнктурных движений, т. е. изменений количества созданного реального капитала. Только тогда, когда мы начинаем применять количественный метод и начинаем измерять происходящие изменения, у нас возникает надежда вскрыть различные факторы, оказывающие совместное влияние на конъюнктурные движения. (См. Theoret. Sozialökonomie, 4 часть).

Для многих практических вопросов чрезвычайно важно получить представление о том темпе развития, который нужно считать нормальным для современного государства. При качественном методе исследования часто ссылаются на такие понятия, но без дальнейших более точных определений. Говорят, например, об очень медленном темпе развития в течение определенного периода или «о необычайном росте

благосостояния и быстром прогрессе» за тот же период. Статистические исследования привели меня к заключению, что в течение полустолетия до последней войны рост накоплений в 3% за год или несколько больше этого нужно считать нормальным для западно-европейской страны. Эта оценка дает нам уже определенные представления, особенно по отношению к вопросу о накоплении и росте реального капитала. Конечно, можно привести возражения против цифровых определений, а также взять под сомнение точность определения темпа развития тем или иным процентом. Но лучше иметь о таком вопросе, о котором постоянно ведутся споры, хоть какое-нибудь количественное представление, чем удовлетворяться одними общими фразами.

Посвятим еще немного внимания вопросу об определениях в политической экономии. Произвольные и неэкономические методы оказали и в этом вопросе очень вредное влияние. В отношении определения понятий и терминологии наша наука дошла до распада, можно сказать, до состояния анархии. Единственным путем, который может помочь выйти из этого положения, является точное соблюдение принципа, состоящего в том, чтобы определение понятий в политической экономии базировалось на действительных фактах хозяйственной жизни. Схоластическая школа всегда требовала формальных определений в каждой научной дисциплине. Определения составлялись тогда a priori, благодаря чему открывалось широкое поле для неизбежного произвола и для всяких соображений, не относящихся к вопросу. Такие методы абсолютно несовместимы с современным научным мышлением. Мы не должны никогда вводить никаких терминов, прежде чем то, что должно быть определено этим термином, не будет понято совершенно ясно. Первая задача должна поэтому заключаться в изучении сущности всех явлений и отношений экономической жизни. Только после того, как у нас составилось ясное представление о том или

ином явлении, мы можем дать ему точное определение, и только тогда наступает время для выработки терминологии. Понятие о капитале нельзя, например, ввести a priori. Ибо продолжительный опыт уже показал, что в отношении объема и значения этого понятия существует полнейший произвол. Мы должны поэтому начать с изучения тех хозяйственных явлений, которые делают необходимым введение понятия о капитале. Мы можем это сделать весьма наглядно только с помощью введения двух основных упрощений, предположив, во-первых, статическое состояние хозяйства и, во-вторых, равномерное его развитие. (См. Theoret. Sozialökonomie, §§ 5 и 6.)

Разумеется, очень желательно, чтобы терминология практической науки, какой является политическая экономия, была по возможности ближе к языку повседневной жизни. Но неопределенные и неустойчивые экономические представления, которые господствуют у широкой публики, отражаются в неясных и изменчивых выражениях, которые легко ведут к ошибкам и противоречиям. Экономическая наука не может поэтому отказаться от своих собственных определений. Но содержание этих определений должно быть установлено лишь после точного анализа экономической действительности.

Я выше пытался выяснить самое существенное, что необходимо было, по моему мнению, изложить относительно задач и методов политической экономии. Такое определение задач и методов оказывает ценные услуги при изучении серьезных проблем политической экономии. В дальнейших своих лекциях я намерен изложить главнейшие выводы из изучения этих проблем соответственно указанному выше направлению.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ТЕОРИЯ ЦЕН.

До сих пор существовало широко распространенное мнение, что при изложении взаимоотношений хозяйственной жизни теории цен должна предшествовать особая теория стоимости. Существовало, казалось, убеждение, что это является единственным путем к действительно основательному изучению народного хозяйства. Считалось необходимым, чтобы изучающий науку о народном хозяйстве вначале знакомился с теми его стадиями, в которых еще не существовало денег и при которых самые сложные проблемы хозяйства должны рассматриваться так, как будто общество еще не было знакомо с употреблением денег. И несчастный студент, который, конечно, стремился по возможности быстрее добраться до изучения тех явлений экономической жизни, с которыми он знакомился на практике, должен был надолго отказаться от такого намерения. Он прежде всего вынужден был думать о хозяйственных, следовательно, и о количественных проблемах, не имея ясных количественных представлений и, в особенности, не имея определенного мерила стоимости, каким является твердая денежная единица. Ему, конечно, трудно было понять, почему его лишают средства для указания величины стоимости, к которому он привык и без которого он считал невозможным обойтись.

Я должен сознаться, что когда я начал сам изучать политическую экономию, то эти трудности казались мне совершенно непреодолимыми. Это, правда, объясняется отчасти

моей общей склонностью к простоте и ясности, отчасти же и тем, что мои прежние занятия математикой приучили меня к точности при построении элементарных арифметических основ научного мышления. Я поэтому уже с самого начала серьезно ставил вопрос о том, действительно ли необходимо класть теорию стоимости в основу всей политической экономии и нельзя ли начать сразу же с теории цен. Я был убежден, что вполне возможно непосредственно построить теорию цен и что не существует сколько-нибудь существенного по своему значению положения, которое обычно доказывается при помощи особой теории стоимости и которое нельзя было бы доказать без этой теории стоимости. Я должен сказать, что в известном смысле вся моя научная работа была с тех пор направлена на построение теории цен без помощи особой теории стоимости и на то, чтобы сделать соответствующие выводы, логически вытекающие из такого обоснования учения о народном хозяйстве. (См. Theor. Sozialökonomie, § 7). Здесь я хочу попытаться несколько глубже рассмотреть те побудительные причины, которые руководили мною в этой работе.

Учение о народном хозяйстве должно быть, по моему мнению, в применяемых методах исследования прежде всего экономным. Оно должно для всех других дисциплин служить примером действительно бережливой затраты сил для достижения существенных результатов. Если можно обойтись без трудно усвояемой и требующей громадного времени для своего изучения теории стоимости, и если при помощи ясной теории цен можно непосредственно ознакомиться с экономическими проблемами реального значения, то одна из первых обязанностей политической экономии заключается в применении такого метода исследования.

Нетрудно было далее заметить, что теория стоимости в том виде, в каком она обычно излагается в учебниках или аудиториях, имеет весьма серьезные недостатки. Вся эта

теория страдала от двоякого понимания «стоимости», чему служит достаточным доказательством двоякое определение: «потребительная стоимость» и «меновая стоимость». В действительности стоимость всегда означает цену, которая уплачивается при известных условиях. Но так как условия могут так или иначе изменяться, то можно построить, как оно и было в действительности, такую массу понятий стоимости, которые даже для экономистов с хорошей научной подготовкой трудно поддаются усвоению, тем более для начинающих.

То обстоятельство, что до сих пор не достигнуто единства в установлении самых простых основных определений, меньше всего может служить во славу данной науки. Уже из этих соображений было очень желательно так построить учение о народном хозяйстве, чтобы в число его элементарных понятий теория стоимости вовсе не была включена. Эта точка зрения приобрела еще больший вес от сознания, насколько теория стоимости в ее обычном толковании страдала из-за отсутствия единства в способах измерения изучаемых количеств. Если стоимость какой-нибудь вещи, как выражался Джон Стюарт Милль, представляет собой «возможность благодаря владению ею распоряжаться продажными благами вообще» то нужно сознаться, что такое определение очень мало соответствует требованиям основных понятий элементарной теории, от которой требуется математическая ясность и точность.

После того, как появилась так называемая «субъективная теория стоимости», которая исходила из того, что основа стоимости лежит в желании человека, нельзя было дольше не ощущать необходимости в более определенных количественных понятиях. Понятие полезности было выставлено как основное количественное понятие, и различные степени этой полезности определялись цифрами и диаграммами. И хотя все учение о народном хозяйстве должно было быть

построено на этом основании, все же потребности в определенной единице для измерения изучаемых наукой количеств в общем уделялось очень мало внимания. В современной высшей математике арифметическому обоснованию науки путем ряда целых чисел придается чрезвычайно большое значение. Политической экономии необходима такая же точность при установлении единицы измерения изучаемых ею количеств. Всякая неясность или недостаточная определенность в данном отношении повлечет за собой такую же неопределенность при изложении достигнутых теорией выводов исследования. Если, например, при помощи теоретического исследования доказывается, что при известных обстоятельствах достигается максимум полезности, то значение этого вывода основывается, главным образом, на том, как эта полезность измеряется. В данном случае понятие цены имеет большие преимущества перед понятием стоимости, так как цены измеряются всегда денежными единицами и выражаются поэтому в определенных числах. Вся теория цен приобретает, благодаря этому, ясность и определенность и может быть введена в политическую экономию как одно из ее основных и элементарных научных понятий.

Как я уже указывал в своей первой лекции, политическая экономия очень легко вступает на ложный путь, если она с самого начала не фиксирует своего внимания на сущности изучаемого явления и если при выборе методов и способа исследования она не руководится самой природой этого явления. Если мы произвольно избираем какое-нибудь определение и затем объяснение этого определения делаем задачей нашей науки, то наше исследование будет, вероятно, страдать односторонностью и может вовлечь нас в сложную дискуссию, не имеющую никакого существенного значения для предмета нашей науки.

Адам Смит и его ближайшие последователи избрали предметом своих исследований природу и причины б о г а т с т в а

народов, и, благодаря этому произвольному выбору, они, без сомнения, вынуждены были этому «богатству» уделить несоответственно большое место в своей системе. Это обстоятельство побудило их к такому изложению и к таким суждениям, которые мы должны признать односторонними и ошибочными. Таким же образом одна из последующих школ произвольно избрала темой своих исследований понятие стоимости как основной предмет всего учения, и анализ этого понятия превратился почти в самоцель. Так как слово «стоимость» само по себе является довольно неопределенным и в повседневной жизни употребляется в различном смысле, то для научного анализа из-за этого возникли большие затруднения. Много времени было затрачено на определения и классификацию различных понятий стоимости и даже на словесные объяснения истинного значения слова «стоимость». Уже одно это обстоятельство доказывает, что наша наука пошла по неправильному пути.

Я уже указал в своей первой лекции, что естественным предметом учения о народном хозяйстве является хозяйственная жизнь, и правильнее всего было бы с самого начала направить все усилия на описание этой хозяйственной жизни. Тогда представится совершенно естественным, что мы изучаем товарообмен в его денежной форме, как он происходит в действительной жизни; построение же теории стоимости без денежной единицы, наоборот, окажется искусственным обходом вопроса.

Можно только удивляться тому, каким образом мог укрепиться нынешний способ изложения основ политической экономии. Ответ на этот вопрос одновременно бросает более яркий свет на самое положение теории стоимости. Прежде всего существовало такое мнение, будто невозможно начать изложение социальной экономии с очень сложной теории денег. Полагали поэтому возможным в элементарном изложении учения о народном хозяйстве обойтись без понятия

денег. Этот аргумент мог бы показаться веским, если бы действительно существовала надобность изложить всю теорию денег прежде, чем наше изложение элементарных процессов в народном хозяйстве не привело нас к факту существования денежной единицы. Но положение вовсе не так затруднительно, и это я постараюсь сейчас доказать.

Другим доводом для того, чтобы начать с особой теории стоимости, являлось то соображение, что нашему современному обществу с его денежной системой, как основой обмена, предшествовала примитивная система хозяйства с безденежным товарным обменом. Существовало поэтому более или менее сознательное предположение, что в нашем теоретическом изложении необходимо следовать этому историческому ходу развития. Предполагалось, что отношения в примитивном обществе представляют собой наиболее простой случай, который должен быть изучен прежде, чем перейти к исследованию сложных взаимоотношений денежного хозяйства. Существовало, вероятно, и такое мнение, что изучение примитивных условий дает нам подготовку для понимания важнейших сторон хозяйственной жизни, которые могли бы ускользнуть от нашего анализа, если бы мы с самого начала обратили все свое внимание на современное денежное хозяйство. Существовало далее представление, будто за денежной формой скрываются определенные особенности стоимости, которые могут быть вскрыты только при том условии, если стоимость изучается независимо от денег. Милль, например, указывал на то, что все цены могут одновременно повыситься, но что общее повышение стоимости логически невозможно. Поэтому необходимо изучать понятие стоимости еще до того, как понятие денег включается в круг изучаемых вопросов.

В известном смысле эта точка зрения совпадает с общим принципом, согласно которому все наши основные исследования должны ограничиваться минимумом предпосылок от-

носительно форм организации общества. Если придерживаться этого правила, то выводы наши, как я уже указал в моей первой лекции, «приобретут полностью именно то значение, какое они имеют в действительности». Но нет никакого основания изучать стоимость, как арифметическое понятие, раньше того, как мы приступим к исследованию менового хозяйства. Но как только мы вводим числовое выражение стоимости, предметом наших исследований неизбежно становится хозяйство, в котором существуют деньги или, по крайней мере, существует денежная единица, при помощи которой измеряются стоимости. Предположение о существовании денежной единицы никоим образом не подрывает правильности наших выводов. Правда, уже в тех психологических процессах, которые являются характерными для изолированного хозяйства первобытного человека, мы находим следы оценки стоимости. Но они не могут еще служить основанием для исследования менового хозяйства, наоборот, эти примитивные процессы оценок гораздо легче будет понять, если мы прежде изучим соответствующие процессы у современного человека, привыкшего считать при помощи денежной единицы.

Представление о том, что процесс хозяйственного развития совершался от менового хозяйства без денег — к денежному хозяйству, без всякого сомнения, совершенно неправильно. Оно в такой же мере неправильно, как и существовавшее в восемнадцатом столетии представление об «естественном состоянии», дававшее повод к романтическим грезам, которые лишь в отдаленной степени были похожи на историческую правду. Подобно тому, как политические теории уже давно отказались от «общественного договора» Руссо и от его представлений о предшествовавших ему естественных социальных отношениях, так и учение о народном хозяйстве должно отказаться от представления о том, что денежному хозяйству предшествовало меновое хозяйство

без денег. Деньги не являются новым открытием, которое могло быть принято после здравого размышления обществом, в котором уже ранее существовал регулярный товарообмен. Наоборот, наша денежная система развивалась параллельно с нашей меновой системой. Конечно, при примитивных формах первобытного общества могли существовать только примитивные следы употребления денег, но мы находим тогда только и примитивные же следы обмена. В истории безусловно не существовало такого общества без денег, в котором обмен был нормальным явлением. (См. «Theoret. Sozialökonomie», § 39.)

Денежная система в знакомой нам форме ведет свое происхождение из стремления удовлетворить две различные хозяйственные потребности, возникшие еще на самой ранней ступени развития обмена. Первая из этих потребностей заключается в нахождении шкалы для измерения стоимости товаров, которые должны обмениваться друг на друга или должны рассматриваться как равноценные, например, при уплате налогов и податей. Наличность представления об эквивалентности между определенными количествами различных товаров можно проследить вплоть до примитивнейших общественных отношений, хотя от этой ступени до арифметической оценки товаров лежит еще длинный путь. Представление об эквивалентах, которые выражались в определенном количестве единиц одного какого-нибудь общего товара, служившего мерилом для измерения стоимости различных товаров, укреплялось только постепенно и, вероятно, весьма медленно. Но для различного рода товаров еще долго употреблялись разные мерила, так как существовало представление, что ценные и прочные товары нельзя обменивать на менее ценные и непосредственно потребляемые. Однако постепено все эти различные мерила стоимости свелись к одной универсальной шкале оценки. И в современном обществе можно еще найти следы этого пути развития, как, например,

сохранившийся в Англии обычай оценивать товары в трех различных единицах: в фунтах стерлингов, в шиллингах и в пенсах. Но, переходя от одной ступени развития к другой, общество, в конце концов, приобрело представление об одной единице стоимости, в которой могла быть выражена всякая другая стоимость.

Эта единица обнаруживала всегда сильную склонность становиться все более и более абстрактной, освобождаясь от связи с той материальной сущностью, которую она вначале собой представляла. Если, например, эта единица выражалась в сушеной рыбе, то эта рыба должна была, разумеется, быть средней величины и среднего качества. Таким образом единица представляла собой «нормальную» рыбу и в этом смысле становилась абстракцией. Такой процесс развития даже в примитивных условиях часто приводил к тому, что мерило, употреблявшееся как единица стоимости, становилось совершенно абстрактной счетной единицей и имело гораздо меньшую стоимость, чем стоимость той материальной вещи, которую эта единица должна была представить. А в некоторых случаях первоначальное значение этой единицы даже совершенно забывалось. Тот, кто интересовался историей бумажных денег, знает, каков был процесс развития денежной единицы современного общества.

Потребность в одном общем средстве обмена становилась с течением времени все сильнее и сильнее. Правда, можно себе представить и такую примитивную форму обмена, которая при постепенном развитии шкалы стоимости обходится без специального средства обмена. Однако регулярная система обмена вообще не могла бы существовать, если бы не было таких средств обмена, которые всякий мог бы принимать в обмен на свои товары. Предметы, служившие средством обмена, бывали часто не теми предметами, в которых выражалась единица стоимости. Так, например, единицею счета мог служить вол, а средством обмена одновременно

служили металлические предметы. Это вполне естественно, так как потребность в удобном средстве обмена часто совершенно не совпадает с хорошим мерилом стоимости. Но средства обмена должны иметь определенную стоимость в денежной шкале. Так как оценка средств обмена в определенной денежной единице обычно устанавливалась традицией или предписаниями священнослужителей и властителей, то стоимость, заключавшаяся в денежной единице, становилась все в большей степени зависимой от стоимости средства обмена, т. е. от недостаточности снабжения им общества. Тесная связь, существовавшая между денежной единицей и первоначально представленным ею предметом, совершенно разрывалась, и эта единица становилась, таким образом, чисто абстрактной. Покупательная способность этой единицы определялась таким образом недостаточностью тех предметов, которые были приняты в виде платежной единицы в денежной шкале. Начиная с этой стадии развития, можно утверждать существование действительной денежной системы.

Наша современная денежная система представляет собой поэтому соединение двух средств, образовавшихся в процессе медленного развития для удовлетворения двух элементарных потребностей. Первая из этих потребностей заключалась в определенной единице стоимости, а другая в средстве обмена.

При таком анализе происхождения денег становится очевидным, что всякое общество, в котором обмен становился общим явлением, ощущало элементарную потребность в применении единицы стоимости. Нельзя поэтому указать никакого основания для того, чтобы само учение о народном хозяйстве шло по иному пути. Наша наука поступает совершенно правильно только в том случае, если она руководствуется теми указаниями, которые дает ей действительный ход развития хозяйственной жизни. И если мы хотим изучать меновое хозяйство, то должны предположить суще-

ствование денежной единицы, при помощи которой могут изменяться все стоимости. Стоимости становятся тогда ценами, и надобность в особом понятии стоимости тогда отпадает. Мы можем в таком случае сразу приступить к построению теории цен, не затрудняя себя предварительной теорией стоимости. Конечно, остаются еще важные вопросы: как устанавливается денежная единица, как таковая, что определяет ее покупательную способность, и как можно гарантировать устойчивость этой единицы? На эти вопросы нельзя дать ответа в самом начале при изучении политической экономии. Они получают свое освещение при дальнейшем изучении теории денег. Однако вся предыдущая дискуссия по этому вопросу выяснила главнейшую задачу этой теории. Теория денег должна объяснить, каким образом определяется покупательная способность абстрактной денежной единицы.

В нашем изложении элементарных явлений общего учения о народном хозяйстве мы должны принять определенную и устойчивую денежную единицу просто как нечто данное. Таким образом становится возможным построить теорию цен, и из этой теории следует, что при состоянии равновесия цены всех товаров являются определенными. Но так как эти цены выражаются единицею, которая сама является неопределенной, то цены товаров, на основании общей теории цен, можно определить только взаимным их отношением друг к другу. Это означает, что цены товаров можно вначале определить только при помощи произвольного множителя. Но этот момент неопределенности можно устранить, если твердо установить хотя бы о д н у абсолютную цену. Как только это сделано, тогда уже все цены устанавливаются в их абсолютном размере. Особой задачей теории цен является объяснение, каким образом возможно такое абсолютное установление цен. Но этот вопрос не может еще войти в первоначальное изложение общего учения о народном

хозяйстве. Впоследствии, при переходе к теории денег, обнаружится, какое преимущество имеет окончательное, уже заранее фиксированное определение той задачи, которая стоит перед этой теорией. Определив ту роль, какую играет недостаточность платежных средств при установлении абсолютных цен, мы этим самым указываем основное направление, по которому должна в дальнейшем развиваться вся теория цен.

Если мы при элементарном изложении общего учения о народном хозяйстве заранее предполагаем существование денежной единицы, мы этим самым, очевидно, обязаны построить теорию цен, которая соответствует такому обоснованию этого учения. Все дальнейшее развитие теории денег логически вытекает из этого исходного пункта. В соответствии с этим, я в течение целого ряда лет постепенно выработал теорию цен, последним результатом которой является мое исследование современного переворота в нашей денежной системе. Это исследование является необходимым логическим следствием того убеждения, которое я защищал еще в самом начале по отношению к теории стоимости и которое было изложено еще в моей первой работе «Основы элементарной теории цен».[1] В дальнейшем развитии моей теории денег нет ничего произвольного и ничего такого, что могло бы быть приписано влиянию других авторов. Читатели моего труда «The Nature and Necessity of Interest»[2] («Природа и необходимость процента»), написанного в 1901 — 1902 г. и опубликованного на год позже, вспомнят, что этот труд заключал уже в себе основы охарактеризованной сейчас теории денег, и что эта теория являлась уже тогда органической частью целой системы учения о народном хозяйстве.

---

[1] Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Tübingen, 1899.

[2] London, Macmillan, 1903.

*

Если существует денежная единица, то в ней можно выразить каждую оценку, лежащую в рамках хозяйственного анализа. Экономическая теория, исключающая понятие стоимости, этим самым не исключает ни одной стороны и ни одного частичного явления процессов оценки, которые могли бы служить предметом объяснения в отдельной теории стоимости. Всякая теория стоимости, которая рассматривала бы свою задачу настолько серьезно, что придала бы своим исследованиям точные арифметические формы, т. е. положила бы в основу какую-нибудь единицу стоимости, например, единицу желания, нежелания или полезности, этим самым предположила бы существование денежной единицы в изложенном нами смысле. Я считаю поэтому несправедливым выставляемые против моей системы аргументы, будто в ней упущен психологический момент оценки.

Мы вынуждены, конечно, отказаться от мысли об оценке самой денежной единицы. Но это имеет только формальное значение. Ибо колебания в оценке этой единицы в системе с установленной единицей выразились бы в обратных колебаних суммы тех единиц, которые вообще предлагались бы за товары. Мы не должны также считаться с возможными изменениями этой единицы. Предположив раз установленную единицу, мы должны придерживаться этого предположения в нашей общей трактовке учения о народном хозяйстве. От применения этого метода мы ничего не теряем. Теория денег должна только при этом объяснить истинное значение изменений единицы и этим самым объяснить предположение об этой определенной единице.

Всякий анализ оценки должен по нашему методу принять форму описания того, каким образом спрос зависит от цены, т. е. объяснить спрос, как функцию цены.[1] Спрос, как и цена, является, таким образом, чисто арифметическим

[1] «Theoret. Sozialökonomie», § 11.

понятием, иначе говоря, этот спрос означает при каждой данной цене требуемое количество данного товара. Из формы этой функции цены становится яснее и понятнее все то, что относится к оценке. Но еще более важным является то обстоятельство, что форма этой функции есть все, что нам необходимо знать о субективной стороне процесса образования цен, т. е. о спросе.

Спрос индивидуума на какой-нибудь товар является не только функцией цены данного товара, но и функцией цен всех других товаров, которые необходимы в данном хозяйстве. Каким образом распределить свои средства и распорядиться своим состоянием, индивидуум может определить лишь после того, как ему становятся известны все цены. Но отдельный индивидуум обычно не может составить себе определенного мнения о том, как он мог бы употребить свои средства при произвольно данном уровне цен. Практически он должен ограничиться решением: какое количество определенного товара он мог бы купить при некотором колебании его цены, но при условии, однако, что все остальные цены остаются неизменными. Ибо только при таком предположении денежная единица имеет для него вполне ясное значение. Только путем долгого опыта и при достаточно устойчивых условиях люди научились с некоторой уверенностью регулировать свой спрос и определять, сколько можно купить за одну денежную единицу при небольших колебаниях цен. Этого вполне достаточно для уяснения сущности спроса, которое необходимо для понимания теории цен. Лучшим методом для изучения ценообразующих факторов является предположение о состоянии равновесия и о небольших колебаниях одной какой-нибудь определенной цены. Условием стабильности такового равновесия является то обстоятельство, что изменения в нем отражаются в обратном действии в виде изменения спроса, вследствие чего цена вновь устанавливается на прежнем уровне.

Теория цен занимается, таким образом, только формами тех функций, в которых выражается зависимость спроса от цен всех различных товаров. Как только мы принимаем во внимание такие функции спроса, мы вынуждены, само собою разумеется, учитывать соответствующее повышение спроса на определенный товар вследствие небольшого понижения его цены. Мы, собственно, делаем это уже тогда, когда говорим об эластичности спроса. Это означает только более углубленное изучение формы функции спроса, которая хорошо знакома всякому, кто имеет хотя бы только очень поверхностное представление о теории функций вообще. Приходится поэтому удивляться тому, что применение этого метода в учении о народном хозяйстве рассматривалось как какое-то большое открытие. Значение этого открытия особенно подчеркивалось школой субъективной теории стоимости. Школа эта в своем стремлении выставить полезность как основу стоимости оказалась вынужденой противопоставить понятие «предельной полезности» понятию «общей полезности». Ибо только предельная полезность соответствовала меновой стоимости. Тем не менее, то большое значение, которое придавалось понятию предельной полезности, было в основе своей искусственным. Оно в высокой степени обязано мнимому противопоставлению другому понятию «общей полезности», которое является, однако, чисто метафизическим понятием, не представляющим для простой и деловой теории цен никакого интереса. Но, когда эта школа дошла до утверждения, что предельная полезность является действительным и единственным основанием меновой стоимости, она этим самым потеряла всякую связь с действительностью и одновременно с логикой. Прежде всего, совершенно неверно, будто в каждой группе предметов потребления цена соответствует предельной полезности. Для состоятельного человека предельная полезность обычно больше в целом ряде различных групп предметов потребления. Это следует

из того, что он закупил бы те же самые количества целого ряда различных товаров, даже если бы цены были значительно выше. И кроме того, а это важнее всего, даже если предельная полезность совпадает с ценой, то предельная полезность ни в каком случае не может быть основанием для цены, ибо до того, как мы узнали цену, мы не можем определить, какое количество товара мы можем закупить для потребления и таким образом неизвестно, где лежит предел полезности. Нужно поэтому совершенно отвергнуть утверждение субъективной школы, что она создала на основе своего понятия предельной полезности законченную теорию цен. Значение понятия предельной полезности ограничивается в сущности более скромной функцией, бросая некоторый свет на взаимную зависимость, которая в существенных чертах уже знакома, если рассматривать спрос как функцию цены.

На основании изложенных выше принципов, учение о народном хозяйстве является в сущности теорией цен. Эта теория по необходимости охватывает весь процесс образования цен, так как в этот процесс включены не только цены предметов потребления, но и цены полуфабрикатов и всех основных факторов производства. Так как доход людей определяется ценами на ту долю, участия (Beiträge), которая им принадлежит в производстве, то и весь процесс, известный в учении о народном хозяйстве под названием «распределение», тем самым заключается в теории цен. Эта теория дает поэтому правильные рамки для научного исследования социальных вопросов. Если говорят о стоимости с точки зрения социальной политики, то в действительности имеется обычно в виду цена, которая вообще д о л ж н а была бы существовать на товар или на услугу, скажем, например, на труд. Но если этому утверждению придать разумный смысл, то оно не может означать, что цена эта должна быть иною, чем та цена, которая фактически исходит из процесса ценообразования. При этом имеется, очевидно, в виду, что для указан-

ного процесса должны быть созданы такие предпосылки, при которых эта цена могла бы установиться на таком уровне, который считается справедливым. Принятие такой точки зрения могло бы иметь большое значение для всей социальной политики. Этим указан путь, ведущий к достижению действительного прогресса, и одновременно сделано серьезное предостережение против всяких социальных экспериментов, представляющих собою не более, как попытку к произвольному назначению отдельных цен в противоположность к конкретным условиям всего процесса образования цен. В этом смысле теория цен становится хорошим и верным руководителем и для социальной политики.

Построение теоретической экономии в форме теории цен, вместо теории стоимости, дает совершенно очевидные преимущества при исследовании теории процента.[1] Если строго становиться на точку зрения теории стоимости, то полное объяснение сущности процентов приходится обосновать при помощи формулы Бем-Баверка. Она гласит, что существует общая недооценка будущих благ в сравнении с наличными благами и что проценты являются доплатой за обмен наличных благ на будущие ценности. Нельзя считать логически невозможным построение правильной теории процентов в такой форме. Ибо не подлежит сомнению, что договор, в котором предусмотрена уплата процентов, в известном смысле означает обмен наличных благ на будущие. Но можно серьезно сомневаться в том, что такая форма объяснения сущности процентов имеет преимущество перед другим объяснением их, которое само собой представляется в рамках общей теории цен. Конечно, желательно, чтобы теория процента наиболее верно отражала все те процессы, которые в действительной жизни свя-

---

[1] См. мой труд «Nature and Necessity of Interest» и «Theoretische Sozialökonomie», глава VI.

заны с уплатой процентов. А с этой точки зрения формула Бем-Баверка построена несомненно слишком искусственно.

При попытке построить теорию процента на основе этой формулы мы неизбежно наталкиваемся на трудности, которые, хотя и преодолимы, но, во всяком случае, излишни. Я должен при этом подчеркнуть, что в действительной жизни не существует «общей недооценки» будущих благ. Не подлежит сомнению, что богатые люди даже в том случае, если бы они не получали процентов, не могли бы израсходовать всего своего богатства на немедленное потребление и должны были бы часть своего состояния сохранить для будущего потребления. Они делали бы это даже в том случае, если бы за возможность сохранить свое состояние для будущего вынуждены были бы сами платить, если так можно выразиться, «негативные проценты». В таких случаях мы имели бы уже в действительности «сверхоценку» будущих благ. С другой стороны, никто не отдает всех своих благ в обмен на будущие ценности даже при условии очень высокого размера процентов. Недооценка будущих благ не может поэтому быть выражена одной какой-нибудь цифрой, даже если бы имелся в виду отдельный индивидуум. Поэтому невозможно говорить и о какой-то «средней недооценке» в обществе. Недооценка будущих благ может в действительности найти точное и исчерпывающее объяснение только при том условии, если признать известную зависимость наших экономических возможностей от уровня процента. Рынок для обмена будущих благ на наличные может быть приведен в состояние равновесия только при помощи процента определенного размера, и именно этот рынок должен быть объектом исследования теории процентов. Совершенно очевидно, что такое исследование становится очень трудным, если всей этой проблеме придать форму обмена наличных благ на будущие. Вся проблема становится значительно проще и доступнее для понимания, если рассматри-

вать процент как цену, и всю теорию процентов считать органической частью общей теории цен.

Но тогда требуется ответить прежде всего на вопрос, что является тем основным фактором производства, за который уплачиваются проценты? Капитал, в виде произведенных материальных благ, не является основным фактором производства, ибо эти блага сами являются продуктом производства. Можно, правда, сказать, что проценты являются ценою за пользование этим капиталом. Но тогда возникает вопрос, как определяется цена самого капитала, и в таком случае прблема процента, очевидно, совпадает с вопросом, как определяется отношение между ценою за пользование капиталом и ценою самого капитала. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо итти по тому пути, который указывает практика самой хозяйственной жизни. Мы знаем, что люди платят проценты как вознаграждение за право пользования определенной суммой денег в течение определенного времени, и научному анализу остается просто учесть факт. Пользование суммою денег в 100 марок в течение одного года является основным фактором производства, и цена, уплаченная за содействие со стороны этого фактора, является процентами. В Англии размер процента действительно выражается в виде цены. Там, например, говорят, что размер процента составляет £4 2s. 6p. (4 фунта стрелингов, 2 шиллинга и 6 пенсов), причем подразумевается, что он, таким образом, составляет $4^1/_8\%$.

Теория процента должна прежде всего объяснить, почему пользование абстрактным капиталом в течение определенного времени является необходимым фактором производства. Объяснение этого становится очень простым, если мы обратимся к анализу действительности нашей хозяйственной жизни. Производство в техническом смысле требует времени, а использование длительно существующих благ требует обычно еще большего времени. Между использованием фак-

торов производства и платою возмещения за их использование должен поэтому пройти некоторый промежуток времени. Но в течение этого промежутка времени необходимо иметь в распоряжении соответствующую сумму денег. Народное хозяйство должно, следовательно, всегда владеть известным количеством абстрактного капитала соответствующего общей сумме связанных в производственном процессе материальных благ. Возможность постоянно распоряжаться таким абстрактным капиталом является поэтому при всех условиях абсолютно необходимым фактором производства. Особенно полезно отметить, что также и для социалистического общества владение этим фактором производства является совершенно неизбежной необходимостью.

В общем процессе образования цен этот фактор получает определенную цену на таких же основаниях, как и другие факторы производства. В моей следующей лекции я подробнее остановлюсь на этих основаниях и хочу поэтому сейчас ограничиться лишь выяснением некоторых особо важных наблюдений для правильного понимания проблемы процентов, как проблемы цен.

После того, как установлен размер процента одновременно с другими ценами, каждый хозяйствующий субъект имеет в своем распоряжении все необходимые данные для построения своего хозяйственного плана. Ему известно, какую часть своего дохода он может употребить для непосредственного потребления и какую сохранить для своих будущих потребностей или для увеличения своего капитала. Становится возможным, таким образом, определить общий размер сбережений в обществе и величину свободного капитала, который в течение каждого периода времени может быть предложен на рынке.

Остается еще учесть то потребление капитала, которое по тем или другим причинам применяется отдельными лицами в большем размере, чем составляет их фактический доход.

Такое потребление капитала можно рассматривать, как отрицательное сбережение. Если это отрицательное сбережение вычесть из положительного сбережения, то разность представит собою чистый остаток сбережения общества. Только этот чистый остаток может служить для снабжения процесса производства свободным капиталом. Эти определения понятий удобны и просты для ясного и естественного изложения вопроса о предложении в интересующей нас проблеме.

Некоторые авторы придерживаются другого метода исследования и присоединяют указанную выше часть потребляемого капитала к тому спросу на свободный капитал, который вытекает из потребностей процесса производства. Нельзя, пожалуй, утверждать, что такой метод абсолютно неправилен, но во всяком случае он не отражает того естественного хода действительных процессов, о котором мы говорили выше, и менее пригоден к тому, чтобы дать нам ясное представление о рассматриваемой проблеме. Сбережение и излишнее потребление являются в конце концов только разными сторонами отношения людей к этому вопросу. В большинстве случаев эти обе стороны даже непосредственно связаны друг с другом, так как излишек потребления часто оплачивается позднейшими сбережениями или же должен быть оплачен уже ранее сделанными сбережениями. Вполне естественно поэтому учитывать только чистый остаток сбережений всего общества, который может быть фактически предоставлен производству в виде капитала.

Совершенно ясно, что чистый итог сбережений всего общества должен зависеть от размера процента, и если последний известен, то мы можем считать, что и сумма остатка всех сбережений дана. То, что в терминологии Бем-Баверка выражено совершенно неясно и рассматривается как большая или меньшая общая недооценка будущих благ в сравнении с наличными благами, получает совершенно ясное

арифметическое выражение, в виде величины остатка сбережений общества, которые предоставляются в распоряжение производства при любом размере процента. Превосходство теории цен над теорией стоимости выступает здесь с особо убедительной ясностью.

Человек, которому остается прожить 25 лет и который решил в течение этого периода времени израсходовать весь свой капитал, может ежегодно расходовать 4% своего капитала. Естественным следствием этого факта должно быть то, что при слишком низком проценте на капитал размер потребления капитала обществом должен быть очень велик. Это простое наблюдение может также служить объяснением того действительного основания, почему размер процента колеблется в пределах 4 на сто, а не 4 на тысячу. Внимательное изучение этого обстоятельства в связи со статистикой продолжительности человеческой жизни и в связи с данными о распределении доходов по отдельным возрастам вскрывает чрезвычайно интересную взаимную зависимость между продолжительностью человеческой жизни и существующим размером процента.

Объем сбережений находится в каждом обществе в тесной зависимости от темпа его развития. При экономическом строе современного общества развитие его определяется суммой остатка сбережений индивидуальных хозяйств. В социалистическом обществе развитие его будет определяться самим организованным обществом. Но в социалистическом обществе должны остаться узкие рамки для склонности человека жертвовать непосредственным удовлетворением своих потребностей в пользу дальнейшего развития. Таким образом чистое сбережение имеет всегда определенные рамки.

В связи со всем сказанным выше мы в отношении спроса должны принять во внимание только спрос производства на свободный капитал. Этот, как и всякий другой спрос на факторы производства, имеет, разумеется, в своей основе

спрос потребителя на готовые продукты производства и на услуги. Но та цена, которую нужно уплатить за пользование капиталом, имеет, конечно, очень большое влияние на относительные цены предметов потребления. Ибо для изготовления последних требуются весьма различные суммы свободных капиталов, и повышение процента должно в высокой степени отразиться на определенных ценах, как, например, на аредных ставках и на железнодорожном тарифе. Спрос потребителя находится поэтому под сильным влиянием колебаний размера процента и всегда реагирует на эти колебания. Повышение процента вызывает вследствие этого понижение косвенного спроса потребителей на свободный капитал, и наоборот. Этот факт имеет решающее значение для объяснения стабильности предложения и спроса на капитал. Право, нелегко себе представить, каким образом эта связь могла бы быть наглядно представлена в рамках формулы: обмен настоящих благ на будущие.

Размер процента не может быть ниже своего действительного уровня, иначе косвенный спрос потребителей на свободный капитал станет выше предложения. Это есть корень теории процентов. Но потребители капитала конкурируют друг с другом и повышают цену за пользование капиталом до известного уровня. Такое объяснение этой проблемы дает возможность связать обычное о ней представление делового человека с научным ее изучением. Это же объяснение проблемы показывает, что необходимость процентов не ограничивается только рамками современного общественного строя, но что истинным основанием для существования процентов является невозможность удовлетворить весь спрос на свободный капитал. Таким образом теория цен приходит к более определенным выводам относительно необходимости процентов, чем это раньше удавалось достигнуть при помощи теории стоимости.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ.

ПРИНЦИП НЕДОСТАТОЧНОСТИ И ПОНЯТИЕ ИЗДЕРЖЕК.

Сущность хозяйства заключается в заботах о человеческих потребностях при условии существования известного недостатка средств для удовлетворения этих потребностей. В каждом хозяйстве потребности должны быть поэтому ограничены и спрос должен быть в такой мере уменьшен, чтобы существующих средств хватило для его удовлетворения. В этом заключается принцип недостаточности. В изолированном индивидуальном хозяйстве задачи хозяйства просто решаются волею главы его, авторитетом которого регулируется все потребление. Можно думать, что это было бы также выполнимо в обществе, организованном на коммунистических началах. Но в меновом хозяйстве не существует никакой центральной власти, которая проводит необходимое ограничение спроса. Наоборот, меновое хозяйство именно и отличается свободою выбора продуктов потребления, которою пользуется каждый индивидуум в рамках своей покупательной способности. Эту свободу выбора люди обычно ценят очень высоко, хотя и не всегда ясно сознают ее, так как считают такую свободу само собой разумеющейся. Но так как и в меновом хозяйстве не всякий спрос может быть удовлетворен, то меновое хозяйство должно обладать средством для соответствующего ограничения спроса. Этим средством является цена. Как только для какого-нибудь товара создалась цена, то удовлетворяется только тот спрос, который готов уплатить эту цену, всякий же иной спрос

исключается из удовлетворения потребностей. Этим путем спрос ограничивается в такой мере, что он соответствует предложению. Это есть принцип недостаточности в той форме, в какой мы его встречаем в меновом хозяйстве. Из этого мы познаем, что цена имеет в меновом хозяйстве свои определенные социальные задачи. Ее задача заключается в том, чтобы ограничивать спрос в такой мере, чтобы он мог быть удовлетворен предложением, и цены должны быть таковы, чтобы эта цель была достигнута.

Это есть основная идея теории цен, которую я развивал в различных своих трудах и которая является главнейшею основою всей моей научной работы. В построении этой теории нет ничего произвольного. Она покоится на факте существующей недостаточности средств для удовлетворения всех потребностей, которая свойственна всякой форме общественного производства. Эта теория является верным выразителем того решения основной проблемы всякого хозяйства, которое дается меновым хозяйством, а именно проблемы ограничения потребностей в такой мере, чтобы они соответствовали этой недостаточности.

Против моей теории делались возражения, что она пытается представить всю систему цен таким образом, будто она изобретена для специальной цели, и мне делались упреки, что я, таким образом, ввожу в политическую экономию телеологический принцип, которому не место в этой науке. Но это возражение недостаточно веско. В естественных науках мы привыкли применять соответствующие выражения для общеизвестных явлений. Мы, например, говорим, что сердце имеет своей задачей кровообращение в живом организме и что задача заключается в снабжении крови кислородом. Но в этих выражениях нет намерения становиться на метафизическую точку зрения в вопросе, существует ли в природе телеологический принцип. Мы просто применяем целесообразное выражение для того, чтобы наглядно выразить функции раз-

личных органов. То же самое мы можем делать с большим успехом и в политической экономии. Для человека действительно очень полезно усвоить мысль, что цены имеют определенную задачу душить спрос и что они этим выполняют очень важную социальную задачу. Ибо многие заявляют жалобы на печальное явление, что повышение цен уменьшает удовлетворение спроса, и весьма склонны требовать, чтобы правительство принимало меры против повышения цен. Но если власти действительно исполняют эти требования, то расстраивается весь механизм процесса образования цен в меновом хозяйстве и создаются такие условия, при которых существующие запасы не могут удовлетворить всего спроса. В результате получается только то, что необходимость сокращения спроса достигается при помощи неправильных и обычно очень нерациональных методов.

Однако не всегда можно для сокращения спроса применить установление достаточно высокой цены. Правда, большинство потребностей индивидуальны и могут сокращаться, если условием для их удовлетворения является уплата определенной цены. Но не всегда дело обстоит так. Некоторые потребности по природе своей коллективны, иначе говоря, являются потребностями, общими для целой группы людей, и могут быть удовлетворены только по отношению ко всей группе, как целой единице. И если такая потребность удовлетворяется, то ни один человек, принадлежащий к этой группе, не может быть лишен удовлетворения данной потребности. В таких случаях невозможно ставить условием каждому индивидууму в отдельности уплату определенной цены за пользование соответствующей ценностью. Типичным примером может служить потребность в охране от заразных болезней. Если в стране приняты меры к такой охране, то пользу из них извлекает все население данной страны. Никто не может быть лишен права пользоваться этой охраной и никому нельзя предъявить требования об уплате его

доли за это пользование. Возникающие затруднения могут быть устранены при помощи какой-нибудь принудительной организации или меры, обязательной для всех жителей и заключающейся в уплате определенных взносов для покрытия расходов по принятию мер охраны. Величайшей принудительной организацией такого рода является государство. Но существует еще целый ряд чисто местных организаций подобного же характера, главная задача которых заключается в удовлетворении коллективных потребностей в определенном вышеприведенном смысле этого выражения. Они взимают налоги и сборы для покрытия расходов по удовлетворению коллективных потребностей. Коллективный спрос ограничивается, разумеется, со стороны коллективной организации путем уплаты определенных цен за требуемые ценности. Таким образом коллективные организации становятся внутри менового хозяйства в одинаковое положение с частными хозяйствами. Государственные и местные финансы могут с большим успехом рассматриваться с точки зрения теории удовлетворения коллективных потребностей, которую я очертил здесь общими линиями и которая сразу бросает яркий свет как на принципиальный хозяйственный характер наших общественных организаций, так и на истинное значение государственных финансов внутри менового хозяйства нашего общества.

Наше положение, что задача цен заключается в том, чтобы в каждой отрасли сокращать спрос до размеров предложения, может получить, таким образом, общее значение. В нем находят соответствующее место и общественные организации, являющиеся потребителями. Эта формула становится исходным пунктом для общего объяснения процесса образования цен в меновом хозяйстве. Но определенное повышение цен не является единственным средством к ограничению спроса. Спрос может быть ограничен и законодательным порядком путем запрещения потреблять ценности в

количествах больше определенных. Это в действительности имело место во время войны в самом широком масштабе путем установления определенных рационов для каждого жителя. Но этот метод ограничения, как каждый из нас мог убедиться из собственного печального опыта, не только чрезвычайно неприятен, но и очень дорог. В будущем общество допустит применение таких методов регулирования индивидуального спроса лишь в тех случаях, когда будет к этому вынуждено исключительными обстоятельствами. Однако это не исключает возможности существования системы, которая фактически имеет уже место в Швеции, назначения определенных рационов предметов потребления, как, например, для спиртных напитков. Но в развитом меновом хозяйстве спрос, как правило, должен ограничиваться исключительно определенным уровнем цен.

Предположим существование определенного спроса на предметы потребления и предположим далее существование определенного денежного дохода у потребителей этих предметов. Мы тогда получим простейший случай для изучения процесса образования цен. Как только для каждого предмета потребления установлена определенная цена, каждый потребитель знает, как распределить свой доход, т. е. какое количество каждого отдельного блага он может купить. Таким образом определяется общий спрос всего общества на каждый данный предмет потребления. В состоянии равновесия этот спрос должен соответствовать предложению данного блага. Такие условия или равенства существуют, очевидно, в таком же количестве, сколько существует различных предметов потребления, и этих условий достаточно для определения всех цен.

Нет более простого способа для выяснения действительной связи всех условий ценообразующего процесса. Но так как спрос отдельного индивидуума на определенное благо зависит не только от его цены, но также, по крайней мере, в

известном объеме, от цен всех других требующихся ему благ, то одним установлением факта для каждого блага в отдельности, что цена его ограничила спрос и привела его в соответствие с предложением, проблему цен решить невозможно.

Откажемся от предположения о существовании определенного предложения на предметы потребления и допустим возможность их дальнейшего изготовления. Тогда абсолютная недостаточность предметов потребления исключается. Но в таком случае мы станем пред вопросом о недостаточности первичных средств производства, которых произвести нельзя. Мы предположим, однако, что эти первичные факторы производства существуют в определенных количествах. Их недостаточность тогда абсолютна, и принцип недостаточности может быть к ним применен. Спрос на предметы потребления означает, таким образом, косвенный спрос на первичные факторы производства, и принцип недостаточности приводит нас поэтому к аналогичному решению проблемы, как в рассмотренном выше случае.

Предположим теперь, что цены этих первичных факторов производства даны и что нам известно требующееся количество каждого из этих отдельных факторов для производства каждой единицы предмета потребления, тогда можно, следовательно, вычислить и цену данного предмета потребления. Потребители имеют в таком случае возможность определить свой спрос, и нам становится известным, какое количество потребуется каждого отдельного предмета потребления. Но этим самым становятся известными и величины первичных факторов, требующихся для производства необходимых предметов потребления. Спрос и предложение на эти первичные факторы производства должны тогда уравновешиваться. В этой проблеме имеется, следовательно, столько же условий и уравнений, сколько и неизвестных, а именно: цены на первичные факторы производства. Существующих условий достаточно для определения этих цен.

Вся наша система уравнений, таким образом, определена, и проблема цен, следовательно, решена. Цена каждого отдельного предмета потребления становится тогда известной, а поэтому известен и спрос на него. Одновременно нам становится известным, как различные факторы производства используются. Они распределяются в известных уже нам пропорциях для производства предметов потребления, которые изготовляются в таком количестве, сколько требуется для удовлетворения спроса на них.

Этот анализ, который я подверг в своей «Теоретической социальной экономии» более углубленному рассмотрению, придав ему необходимую математическую форму, достаточен для выяснения основного характера процесса образования цен. (См. главы III и IV.) Но он, конечно, несовершенен и требует еще дальнейшего развития. Особенно важно из этого анализа устранить предположение о данном денежном доходе потребителей. В меновом хозяйстве доход отдельного индивида в действительности определяется ценами на те основные факторы производства, которые вносятся им в общий производственный процесс. Это обстоятельство делает, конечно, несколько сложнее систему уравнений нашей проблемы цен, но не меняет основного характера ее решения. Нашей системой уравнений определяются не только цены предметов потребления и первичных факторов производства, но и доход всех членов общества и, таким образом, весь процесс распределения общественного дохода.

В дальнейшем ходе нашего анализа необходимо также принять во внимание, что спрос на предметы потребления вообще не совпадает во времени со спросом на факторы производства. В большинстве случаев проходит известный промежуток времени между моментом, когда фактор производства втягивается в производственный процесс, и моментом, когда готовый продукт, для изготовления которого этот фактор служил, доходит до потребителя. Сложные затруд-

нения, вытекающие из этого обстоятельства, могут выясниться лишь в том случае, если подвергнуть изучению беспрерывный процесс производства. Значение, даже необходимость изучения этого процесса обнаруживается в данном случае с особенно убедительной ясностью. В постоянном хозяйстве всегда существует беспрерывный спрос на предметы потребления, требующие в свою очередь беспрерывного предложения на первичные факторы производства, и связь между этим спросом и предложением мы должны изучить и установить. В статических условиях, когда отсутствует развитие, предыдущий спрос на факторы производства, проистекавший из спроса на предметы потребления в течение одной и той же единицы времени, был так же велик, как и в данное время, и объем спроса на эти факторы определяется будущим спросом на предметы потребления. Мы должны в таком случае спрос на предметы потребления рассматривать так, как будто он является прямым спросом на первичные факторы производства. В развивающемся хозяйстве положение иное. В таком хозяйстве этот спрос, определяющийся позднейшими периодами, будет по необходимости больше, чем тот, который определяется потребностями настоящего времени. Этот факт имеет важное значение и в практической жизни. Мы должны всегда учитывать предъявление бо́льших требований к существующим производственным возможностям, чем те, которые соответствуют потребностям настоящего времени. Воля к удовлетворению таких требований является основным признаком прогрессирующего хозяйства. Эта воля должна в той или иной форме выразиться в определенной степени накопления, темп которого является решающим моментом развития. Простоты ради, мы будем считать этот темп постоянным и одинаковым, тогда мы будем иметь равномерно прогрессирующее хозяйство. Для удовлетворения равномерно растущего потребительского спроса мы должны располагать в нашем

хозяйстве равномерно растущим предложением первичных факторов производства. В этом случае необходимое предложение в течение данной единицы времени зависит не только от действительного спроса потребителей для данной единицы времени, но и от темпа развития хозяйства. Но когда этот темп дан, то и потребность в факторах производства данного времени определится спросом на предметы потребления данного же времени. И мы в этом случае можем применить наше решение проблемы образования цен, как и раньше.

Нельзя, конечно, ожидать готовности со стороны потребителей платить надбавку за большее количество факторов производства, чем то, которое необходимо для удовлетворения существующих потребностей. Остаток приходится поэтому доплачивать из накоплений. Отсюда видно, каким образом накопление определяет темп развития. Общий доход всего общества в каждую данную единицу времени равен общей цене имеющихся в его распоряжении в ту же единицу времени факторов производства. Но так как в прогрессирующем хозяйстве количество факторов производства превосходит то количество их, которое соответствует существующим в данный момент потребностям, то, следовательно, и доход общества больше общей цены имеющихся в наличности предметов потребления. Остаток дохода равняется сумме накоплений в течение определенного периода времени и служит для прибавления произведенного за тот же период времени добавочного продукта к реальному капиталу общества.

В нашем изложении теории цен мы предположили цену каждого продукта, как данную, если даны цены необходимых факторов производства. В действительности, существует целый ряд исключений из этого правила, которые теория, претендующая на исчерпывающую полноту, должна принять во внимание. Из этих исключений я должен упомянуть

о двух важнейших. Первый случай, когда издержки производства в различных предприятиях, работающих для удовлетворения спроса, неодинаковы. И второй случай, когда в относительных количествах факторов производства, требующихся для изготовления какого-нибудь товара, могут произойти какие-нибудь изменения. Во всех этих случаях один принцип недостаточности не может помочь решению проблемы цен. Становится поэтому необходимым включить некоторые дополнительные принципы. Для рассмотренных нами случаев мы имеем в виду принцип дифференциальности и принцип субституции (замены), являющиеся следствием общего экономического принципа и сохраняющие вместе с ним присущее ему всеобщее значение.

По принципу дифференциальности цена продукта должна соответствовать наибольшим издержкам того предприятия, продукция которого необходима для удовлетворения спроса. Предприятия, работающие с меньшими издержками, получают в таком случае дифференциальное преимущество, имеющее свою собственную цену и называющее обыкновенно дифференциальной рентой, причем эти ренты уравнивают издержки отдельных предприятий. По принципу субституции должен быть при всевозможных сопоставлениях различных факторов производства избран тот фактор, который сводит издержки производства до минимума. Оба эти принципа хорошо известны каждому, кто изучает политическую экономию, и я хочу только подчеркнуть их характер, как дополнительных принципов, лишь видоизменяющих, но не устраняющих основного принципа недостаточности. Понятие недостаточности плодородной земли изменится, если еще менее плодородная земля взята в обработку для удовлетворения спроса на предметы питания. Но причину, почему для плодородной земли образуется цена, ни в каком случае нельзя искать в факте существования менее плодородной земли. Если в некоторых учебниках политической экономии

встречаешь такого рода определения, то невольно вспоминается шутливая поговорка, что булавки спасли бесчисленное множество людей, благодаря тому, что не были проглочены ими. На недостаточность какого-нибудь одного из кормов для скота несомненно оказывает влияние возможность замены его другими видами кормов. Но если имеется недостаток во всех видах кормов, то их недостаточность останется основным фактом для экономики скотоводства. Основной и последней причиной, почему за корм уплачивается цена, останется с точки зрения предложения вообще факт недостаточности, но не то обстоятельство, что этот корм может быть заменен другим видом корма.

Благодаря введению упомянутого и других дополнительных принципов, необходимых в некоторых случаях для определения издержек производства, вся проблема цен получает определенную ясность. Мы видим, что цены определяются данными факторами и в конечном итоге недостаточностью средств для удовлетворения потребностей в сравнении с объемом и силой этих потребностей.

Можно поставить вопрос: какой смысл имеет построение сложной системы уравнений для решения проблемы цен? Ведь мы не можем решить этих уравнений и с их помощью определить действительные цены. Что мы выигрываем от такого способа изучения нашей проблемы? Но с моей точки зрения этот метод имеет большие преимущества.

Первое существенное преимущество нашей системы уравнений заключается в том, что с ее помощью выясняется истинная природа зависимости между причинами и действием в проблеме образования цен. Наш способ решения этой проблемы показывает, что все цены определяются одновременно, и что между отдельными группами цен не существует никаких рангов в порядке их установления в отношении причин или следствий. Действительно определяющими элементами проблемы цен являются данные фак-

торы нашей системы уравнений. Эти факторы состоят из трех основных групп: к первой группе относятся те формы функций, в которых выражается зависимость спроса от цен, ко второй группе — технические коэффициенты, определяющие в техническом отношении издержки производства, и к третьей — предложение первичных факторов производства, которые мы предполагаем данными в определенных количествах. Первая группа охватывает субъективные, а вторая и третья вместе объективные элементы образования цен. Эти элементы представляют собой в конечном итоге основу всего процесса образования цен. Они все имеют одинаковое значение для данной проблемы, и мы не можем говорить о большем или меньшем их значении в смысле порядка следования. С этой точки зрения становятся невозможными ни чисто объективная, ни чисто субъективная теории стоимости, придающие большее значение либо объективным элементам со стороны предложения, либо субъективным со стороны спроса. Такие теории исключаются при нашем методе изучения данной проблемы.

Если в проблеме цен даны определяющие элементы, то этим одновременно определяются все неизвестные в ней. Это относится не только к ценам, но и к количествам отдельных факторов производства, участвующих в различных отраслях производства, следовательно, также к их «предельной производительности» во всех областях удовлетворения потребностей. Отсюда следует, что всякая теория, утверждающая, что «предельная производительность» или «предельная полезность» определяют цены, находится в заблуждении. Мы можем ввести эти понятия, если находим их применение полезным, но не должны при этом забывать, что они имеют свое место в рамках нашей системы уравнений, и что они никогда не могут заменить этой системы. Некоторые из современных теоретиков-экономистов указывали на то, что все неизвестные в проблеме цен взаимно влияют

друг на друга. Это указание было полезно для того, чтобы подчеркнуть ошибку тех школ, которые признавали определенную роль либо одной, либо другой группы неизвестных в проблеме цен. Но мы должны серьезно следить за тем, чтобы новое понятие не привело к новым ошибкам. Нельзя утверждать, что неизвестные данной проблемы определяют друг друга в истинном смысле этого слова. Ни один из этих факторов не обладает достаточной независимостью, чтобы оказывать такое определяющее влияние. В действительности, они все определяются и одновременно устанавливаются теми основными факторами нашей проблемы, которые мы приняли, как данные.

Второе большое преимущество нашей системы уравнений находится в тесной связи с первым, указанным выше. Оно заключается в том, что, благодаря этой системе, принцип недостаточности занимает соответствующее место в теории цен. В первой стадии нашего анализа степень недостаточности предложения предметов потребления применяется как данное, и образует группу данных факторов в проблеме. Во второй стадии это место занимает недостаточность первичных факторов производства, которые даны в определенных количествах. Мы можем сделать еще дальнейший шаг вперед и принять во внимание то влияние, которое могут оказать цены на предложение основных факторов производства. Тогда недостаточность этих факторов уже не абсолютна, но все же она не исчезает совсем. Эта недостаточность постепенно исчезает только благодаря тому, что, вследствие повышения цен, увеличивается предложение. Рассмотрение сложного процесса образования цен в нескольких следующих друг за другом стадиях дает нам возможность добиться определенных результатов в каждой стадии. Мы этим избегаем тех трудностей, которые неизбежно связаны со всякой попыткой решить всю проблему цен сразу. Если мы последовательно изучаем этот вопрос в различных

стадиях, то круг неизвестных действительно расширяется, и вновь втягиваются те факторы, которые в предыдущих стадиях были приняты, как данные. Но в каждой стадии неизвестные определяются данными уже факторами, и таким образом становится ясным различие между факторами данными и теми неизвестными, которые они должны определить. Такая определенность понятий несомненно имеет большое преимущество перед расплывчатым понятием общей «взаимной зависимости».

Третье большое преимущество нашей системы уравнений заключается, наконец, в возможности познать, что в ценах существует равновесие и каково свойство этого равновесия. Мы можем ясно установить, каковы те факторы, которые могут противодействовать какому бы то ни было нарушению этого равновесия. Мы имеем, например, возможность предвидеть результаты падения какой-нибудь цены. Предположим, что цена какого-нибудь фактора производства понизилась на небольшую долю. Результатом этого понижения будет соответствующее снижение цен всех тех продуктов, в изготовлении которых этот фактор принимает участие. Спрос потребителей на эти изделия, таким образом, увеличится, и возникнет необходимость увеличить изготовление этих продуктов. Это означает также увеличение спроса на соответствующий фактор производства. Но так как все предложение этого фактора было уже раньше использовано для производства, то окажется невозможным удовлетворить новый спрос. Тогда спрос этот должен быть ограничен соответствующим повышением цены. Цена данного фактора производства, следовательно, снова повысится, и одновременно с этим восстановится равновесие, из которого мы исходили раньше. Если, например, размер процента понизится против того уровня, на котором он находится в состоянии равновесия, то результатом этого снижения будет рост спроса на такие блага и услуги, для предоставления ко-

торых потребителям требуются особенно крупные вложения капиталов. Арендные ставки, железнодорожные тарифы и цены на электрическую энергию должны будут упасть, и спрос на эти блага возрастет, имея своим результатом превышение спроса на свободные капиталы над его предложением. Тогда процент на капитал должен вновь повыситься для того, чтобы исключить тот спрос, который не может быть удовлетворен. Обычно это существенное содержание правильной теории процента отодвигается на задний план, вернее говоря, совершенно игнорируется, так как принципу недостаточности не уделяется соответствующего места в этой теории.

Основной причиной, почему тот или иной фактор производства должен получить цену, является, следовательно, то обстоятельство, что косвенный спрос на него со стороны потребителей мог бы превысить его предложение. Таким путем доказывается наиболее ясным и решительным образом недействительность «теории трудовой стоимости», согласно которой стоимость продукта устанавливается якобы исключительно количеством вложенного в него труда. Как мы сейчас видели, и как я уже раньше доказывал, цена имеет своей задачей настолько ограничивать спрос, чтобы он мог быть удовлетворен недостаточным предложением, которое предполагается как величина данная. Это и есть принцип недостаточности. Можно было бы возразить, что этот принцип представляет собой не что иное, как старую теорию спроса и предложения. В известном смысле это верно. Тем не менее, я считаю весьма полезным совершенно отчетливо подчеркнуть, как это сделано моей теорией, основное значение, которое имеет для всякого хозяйства недостаточность находящихся в его распоряжении средств для удовлетворения его потребностей. Наличность этой недостаточности является важнейшим фактом хозяйственной жизни, и поэтому мы должны этой недостаточности отвести соответ-

ствующее центральное место в нашей теории народного хозяйства. Уже в самом начале моих занятий политической экономией у меня было такое чувство, что в этой области должна скрываться какая-то ошибка. Правда, вопрос о недостаточности принимался во внимание при изучении состояния рынка в течение определенного отрезка времени, и в вопросе о том, что цена товара определяется спросом и предложением, разногласий не было. В этом мы уже можем найти известное признание принципа недостаточности. Но необходимо отметить, что вследствие такого понимания этого вопроса принцип недостаточности отодвигался на задний план и в действительности в большинстве случаев вовсе ускользал из поля зрения, как только анализ проблемы цен продолжался вплоть до установления цен на первичные факторы производства. Первая широкая попытка построить всеобщую теорию цен принадлежит ведь Рикардо. Когда он должен был решить вопрос, каковы те постоянные факторы, которые в конечном итоге определяют цены, то он остановился на теории издержек производства. Но теория, которая обосновывает цены готовых продуктов издержками производства, должна остановиться пред вопросом, чем же определяются в таком случае цены первичных факторов производства. По отношению к этим факторам объяснение цен издержками производства недостаточно, и последовательная теория издержек производства становится логически невозможной, или же речь должна была бы итти только об одном единственном факторе производства. Теория Рикардо должна поэтому, как я указал еще в 1901 году в одной из моих статей,[1] рассматриваться как тщетная попытка свести все факторы производства, которые теория цен должна принять во внимание, к одному единственному фак-

---

[1] «Die Produktionskostentheorie Ricardo's». Zeitschrif für die gesamte Staatswissenschaft. Tübingen, 1901.

тору для того, чтобы теория издержек производства могла вообще найти какое-нибудь применение. Этим единственным фактором является в системе Рикардо труд. Земля, как фактор производства, просто совершенно исключается из процесса образования цен. Это удается благодаря хорошо известному приему Рикардо: весь процесс образования цен он рассматривает в той стадии возделывания земель, когда еще не уплачивается никакой ренты. Капитал также не оказывает у него никакого действительного влияния на образование цен, благодаря весьма рискованной гипотезе, что в каждой отрасли производства применение капитала пропорционально необходимому количеству труда. Таким путем Рикардо приходит к выводу, что цены всех продуктов пропорциональны затратам труда, необходимым для их изготовления.

Способ доказательства был логичен, но слишком абстрактен, и причинил очень много вреда особенно тем, что был неправильно понят. Я уже указывал, что так называемая теория трудовой стоимости, образующая основу научного социализма, является прямым следствием всех недоразумений, вытекающих из учения Рикардо. Упрощения, на которых построена теория Рикардо, так велики, что они не в состоянии дать никакого сколько-нибудь верного представления о том, как в действительности совершается процесс образования цен. Но хуже всего то, что теория Рикардо не может быть ни исправлена, ни углублена при помощи каких-либо изменений ее основных положений. Ибо при первой же попытке выполнить такое намерение мы вынуждены отказаться от основного положения этой теории, что существует лишь один фактор производства. Как только приходится считаться с наличностью нескольких факторов, то становится ясным, как я уже указал раньше, что теория издержек производства Рикардо является логической невозможностью.

Нам остается еще объяснить, как в учении Рикардо определяется отношение между ценою труда и ценою за пользование капиталом. Распределение продукта одного часа труда на заработную плату и на прибыль зависит по Рикардо от того обстоятельства, что, в случае недостаточного вознаграждения одного или другого из этих двух элементов, соответственно уменьшится либо предложение труда, либо образование капитала. Тенденция человеческих факторов производства — ставить предоставление своих услуг в зависимость от уплаты определенной цены — вводится здесь, таким образом, как самостоятельный фактор в проблему цен. В позднейших теориях это явилось исходной точкой для попыток определить цены первичных факторов производства, чтобы получить возможность построить общую теорию цен без ограничения числа факторов производства каким-либо одним.

В противоположность более старым теориям издержек производства позднейшая субъективная школа утверждала, что всякая стоимость имеет своим основанием субъективные оценки членов общества, и что этот субъективный спрос должен быть положен в основу теории цен. Существенный недостаток теоретической установки этой школы яснее всего обнаруживается в том, что она находит противоречие в утверждении о взаимодействии различных групп факторов при установлении какой-нибудь цены. Мышление, которому совершенно чуждо понимание такого взаимодействия, не в состоянии, конечно, составить себе ясное представление о механизме образования цен в меновом хозяйстве, хотя в споре о некоторых сторонах проблемы цен им была обнаружена большая проницательность.

Из всех современных теоретиков, занимающихся проблемой образования цен, самое широкое понимание ее принадлежит, без всякого сомнения, Маршалу. Кроме того в его теории нет односторонности. Он признает за факторами

предложения одинаковое значение, как и за факторами спроса. Относительно Маршала можно сказать, что он строил на фундаменте, заложенном Рикардо, но использовал все данные позднейшей экономической мысли. Очень интересен вопрос, как он преодолел все принципиальные трудности системы Рикардо, связанные с тем, что мы должны принимать во внимание несколько различных факторов производства, вследствие чего невозможно применить единую меру для определения стоимости? Когда мы имеем дело с несколькими, разными по своей природе основными факторами производства, то должны установить, как определяются их цены. Маршал на это отвечает, что за некоторые из этих факторов должны уплачиваться такие цены, которые вызовут достаточно большое предложение. Все эти факторы относятся к человеческим услугам, и за них должны уплачиваться такие цены, которые побуждают волю человека к действию. Как новый основной фактор проблемы цен, приходится тогда рассматривать характер реагирования воли человека на предложенную цену. Благодаря введению этого нового основного фактора, Маршалу удается расширить теорию стоимости Рикардо до всеобемлющей теории цен, более правильно отражающей действительные явления экономической жизни.

Как два крупнейших фактора производства, Маршал рассматривает труд и сбережение. Этот метод можно, разумеется, применить к разным видам труда, и таким образом становится возможным преодолеть трудности, которые испытывали старые экономисты при сведении различных видов труда к единой общей мере. За каждый вид труда должна быть уплачена такая цена, которая является достаточным возмещением за связанные с ним «напряжение и самопожертвование». Это «напряжение и самопожертвование» образуют в системе Маршала фактические издержки, и общая цена, которая должна быть за них уплачена, является издержками

производства, выраженными в денежной форме. Маршал строит свое решение проблемы образования цен на этих издержках производства, как определяющих факторах со стороны предложения. Ближайшее рассмотрение этого решения показывает, что факторы, не имеющие характера человеческих услуг, вовсе упущены из виду. В этом отношении Маршал последовал за Рикардо. Он изучает проблему образования цен в той стадии возделывания земель, когда за пользование землею рента еще не уплачивается, в виду чего рента не входит ни в издержки производства, ни в цену продукта. Благодаря расширению этого принципа, Маршалу удается исключить из процесса образования цен все виды дифференциальных доходов и все «мнимые ренты». Таким образом в этом процессе приняты во внимание только те человеческие факторы, предложение которых зависит от их цены.

При всех своих достоинствах это большое создание мысли великолепного конструктивного ума все же в значительной степени построено искусственно. Прежде всего не соответствует действительности предположение, что с повышением цен должно увеличиваться предложение труда и сбережений, которое в системе Маршала получает такое важное значение. Даже если бы было верно, что с повышением цен указанные факторы в известной степени варьируют, то это обстоятельство ни в каком случае не может рассматриваться как основание для решения всеобщей проблемы цен. Наше естественное чувство подсказывает нам, что можно построить теорию цен и в том случае, когда предлагаемые количества труда и сбережений остаются стабильными и не зависят от колебания цен на эти факторы. При наглядном изложении проблемы образования цен можно введение этого упрощения действительно сделать исходным пунктом. В современном обществе, в котором восьмичасовой рабочий день во многих странах введен законодательным порядком, а

интенсивность труда в широком масштабе регулируется рабочими организациями, довольно рискованно обосновывать общую теорию цен зависимостью предложения труда от размера платы за этот труд. Мы должны просто показать, как происходит процесс образования цен в обществе, в котором имеется определенное предложение труда. Точно так же и степень сбережения в современном обществе не находится в такой сильной зависимости от размера процентов, чтобы придавать этой зависимости такое выдающееся значение при обосновании нашей теории образования цен. Эта теория должна быть в состоянии ответить на общие вопросы даже тогда, когда сбережение в действительности независимо от небольших колебаний размера процентов. Как только мы предъявим такие требования к этой теории, мы придем к принципу недостаточности, как ее основному элементу. То обстоятельство, что за услуги, называемые «трудом» или «сбережением», уплачивается известная цена, оказывается просто результатом недостаточности предложения этих услуг, и при этом задача цен заключается в ограничении спроса до той степени, чтобы он соответствовал предложению этих услуг. Такое объяснение имет существенные преимущества благодаря своей абсолютной объективности. Оно исключает всякую тень морального оправдания цены. Попытки найти такое оправдание играли в развитии учения о народном хозяйстве весьма печальную роль, и вопросы общественного распределения ненужным образом сделались предметом страстных споров. Ведь совершенно ясно, что за фактор производства цена уплачивается прежде всего не потому, что владеющий этим фактором требует данную цену или уплату ее ставит условием своего сотрудничества, а главным образом вследствие недостаточности этого фактора в сравнении со спросом на него. Этот принцип недостаточности отодвигается в теории Маршала на задний план. И вслед-

ствие этого наше внимание отвлекается от самой существенной стороны процесса образования цен.

Вторым результатом такого метода исследования является двойственность основного объяснения образования цен. С одной стороны, признается, что некоторые факторы имеют при предложении свою собственную цену и должны рассматриваться, таким образом, как определяющие моменты в процессе образования цен. Другие же факторы, наоборот, просто исключаются из всего процесса при помощи ловкого применения дифференциального принципа. У меня было всегда такое чувство, что этот способ исследования чрезвычайно искусственный и что должна существовать возможность признать за всеми факторами производства одинаковое значение во всем громадном процессе образования цен.

Это становится возможным при помощи нашей системы уравнений. Земля определенного качества может получить свою цену, вследствие своей недостаточности, наравне со всяким человеческим фактором производства. Значение всех основных факторов производства уравнивается в общем процессе образования цен, и все их цены определяются одновременно. Такое рассмотрение этой проблемы приводит, конечно, к новому понятию издержек. Выраженные в денежной форме издержки образуют, таким образом, сумму всех уплаченных цен за различные факторы производства. Это понятие является чисто объективным. Оно устанавливает только тот факт, что должны быть уплачены цены, и совершенно оставляет в стороне вопрос, являются ли эти цены возмещением за «напряжение и самоотверженность» или нет. В конечном счете за основные факторы производства потому уплачиваются цены, что существует известная недостаточность предложения этих факторов. Новое понятие издержек действительно достаточно широко и объективно независимо от различных сопутствующих влияний в процессе обра-

зования цен. Во всяком случае, под издержками можно понимать только сумму уплачиваемых цен.

Из этого следует, что цена, уплаченная за пользование землею при каком-нибудь производстве, входит в издержки производства продукта. Если аналогичное производство ведется на другой земле, где издержки выше, то цена на эту землю должна быть настолько ниже, чтобы все издержки данного производства и цены его продуктов равнялись издержкам производства, как и ценам продуктов первого случая. Здесь именно выявляется принцип дифференциальности. Но он является только дополнительным принципом и подчинен принципу недостаточности. С решением этой проблемы становятся известными все расходы и между ними также расходы за пользование той или иной землею. Для изложения основных черт теории издержек, к которой приводит нас этот метод исследования, можно считать приведенные рассуждения достаточными.

То обстоятельство, что вытекающее отсюда понятие об издержках сильно приближается к существующим в практической жизни представлениям об издержках, является, с моей точки зрения, большим его достоинством. Предприниматель должен платить за сотрудничество и содействие отдельных факторов. Для него каждая уплаченная им для этой цели сумма денег представляет собой расходы, независимо от того, уплачены ли они за пользование участком земли, или за пользование человеческими услугами. Ему должно казаться чрезвычайно странным, что теория делает различие между такими издержками, которые признаются издержками, и другими издержками, которые не признаются таковыми.

Под влиянием искусственной теории экономисты придавали дифференциальному принципу такое значение, которое совершенно не соответствует тому подчиненному положению, которое он в действительности занимает. То же самое нужно сказать и о принципе замены, который также был выдвинут

на первый план и занял место, не соответствующее его значению. Вследствие этого получается такое впечатление, что за какой-нибудь фактор производства цена уплачивается потому, что он может быть заменен другим. Благодаря этому затушевывается тот основной факт, что цена прежде всего уплачивается вследствие недостаточности данного фактора производства. С особенной ясностью это проявляется в теории процента. Со времени Джевонса стало принято изображать проценты в виде цены за пользование капиталом, который может заменить труд. И если утверждают, что проценты определяются предельной производительностью этой замены, или, что то же самое, «предельной производительностью крайнего расширения периода производства», и если подобные формулы предлагаются в виде решения проблемы процентов, то действительно наступил момент выступить против этих утверждений. Совершенно правильно, что возможность замены видоизменяет спрос, а следовательно и цены на те факторы производства, которые имеются в виду в данном случае. Но это обстоятельство ни в каком случае не является основным условием существования процентов. Даже если бы замены произойти не могло, проценты все же будут уплачиваться вследствие недостаточности того фактора производства, который называется пользованием капиталом. Задача теории процентов заключается поэтому в том, чтобы доказать это основное условие для существования процентов. Такая же задача стоит и по отношению к тем случаям, когда принцип замены столь несоответственным образом выдвигается на передний план. Мы, конечно, не должны забывать влияния этого принципа. Во всей теории цен доминирующее значение должно быть признано за принципом недостаточности, а все остальные необходимые для определения цен принципы должны занять соответствующее место, как принципы дополнительные. Это именно я и старался доказать в моем труде «Theoretische Sozialökonomie».

Описанная выше система уравнений оказалась при этом очень целесообразной. Истинное значение введения этой системы в теорию цен действительно не может быть понято до тех пор, пока не становится ясным, что выбор этого метода должен был нас по необходимости привести к намеченным здесь выводам. Нет, собственно, ничего удивительного в том, что в политической экономии, как и во всякой другой научной дисциплине, применяется система уравнений, и это применение еще не указывает на особенную проницательность в понимании основных проблем политической экономии. Все значение нашей системы уравнений может быть полностью понято лишь в том случае, если она рассматривается как выражение однородной роли принципа недостаточности во всем процессе образования цен и необходимой симметрической установки различных факторов производства внутри этого процесса. Нужно далее признать, что то универсальное понятие издержек, которое я пытался здесь развить, тесно связано с изложением проблемы образования цен в форме системы уравнений. В этом отношении необходимо еще устранить много путаницы и старого доктринерства, прежде чем метод исследования проблемы образования цен в форме общих уравнений будет признан как известное достижение теоретической экономии.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ.

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ.

Теория денег, как часть общего учения о народном хозяйстве, определяется, как уже указывалось раньше, природой того решения проблемы образования цен, к которому мы пришли. Мы предположили существование денежной единицы, в которой могут быть выражены все цены, и установили, что цены, выраженные в этой денежной единице, определяются в нашей системе уравнения при помощи некоторого множителя. Момент неопределенности, имеющийся в данном случае, может быть устранен лишь путем твердого установления стоимости той единицы, в которой должны быть выражены все цены.

В истории развития денег потребность в счетной единице и потребность в средстве обмена выступают как две различные потребности, которые могут быть удовлетворены разными путями. Счетная единица имеет всегда тенденцию превращаться в абстракную твердую единицу, определяемую тем, что общество недостаточно снабжено ею в качестве платежного средства. Это историческое развитие, на которое я указал во второй лекции, намечает путь, по которому должна следовать теория денег. Эта теория должна исследовать пути, которыми регулируется снабжение платежными средствами в различных денежных системах, какие средства при этом применяются и каким образом определяется покупательная способность платежной единицы при достигнутом

уровне ее недостаточности. Вопросы эти являются сущностью всей теории денег.

Мы можем из этого видеть, что благодаря усвоенному нами методу политической экономии теория денег не только получает свое естественное место, как органическая часть более общего закона цен, но и каким образом определяются задачи и методы этой теории.

Если какие-нибудь платежные средства признаны в качестве абстрактной единицы, то очевидно, что эти платежные средства должны выпускаться в ограниченном количестве для того, чтобы единица имела определенную стоимость. Ибо если бы можно было эти средства получать в любом количестве, то можно было бы платить и любые цены, и денежная единица не могла бы иметь определенной покупательной способности. Покупательная способность денег находится поэтому с самого начала в необходимой зависимости от недостаточности запаса платежных средств. Особенности этой зависимости должны стать предметом более внимательного изучения. С теоретической точки зрения можно, конечно, спорить относительно характера влияния, которое оказывает запас платежных средств на покупательную способность денежной единицы, однако окончательный ответ на этот вопрос можно получить только из опыта. Теория денег должна поэтому всегда пользоваться статистическим материалом с той целью, чтобы осветить связь между уровнем цен и запасом платежных средств.

Существуют различные методы для ограничения суммы платежных средств, и каждая денежная система пользуется тем или иным из этих методов.

Теоретически наиболее простой денежной системой является бумажная валюта, непосредственно регулируемая государством. Для того, чтобы такая денежная система могла иметь необходимую устойчивость, государство должно установить либо абсолютное количество выпускаемой массы бу-

мажных денег, либо определенное количество денег на душу населения, либо же лучше всего установить определенное соотношение между этой массой и общим хозяйственным развитием. Самым существенным является при этом условие, чтобы в каждый данный момент существовала определенная недостаточность платежных средств, которая регулируется государством. Слишком обильный выпуск платежных средств должен будет, очевидно, вызвать повышение цен.

Это является главной опасностью при бумажной валюте, регулируемой государством. Ибо государство может выпустить больше денег для того, чтобы таким образом создать для себя новые средства для расходов и новую покупательную способность. Но так как эта новая покупательная способность не сопровождается увеличением количества товаров, которые можно было бы купить, то должно наступить повышение цен. Этот процесс называется инфляцией, которая в описанном случае выступает в самой простой и наглядной форме.

Другой формой денежной системы, определяемой законодательным порядком, является бумажная валюта, которая регулируется центральным банком. В данном случае запас платежных средств регулируется иным образом. Банк выпускает денежные знаки не для покрытия своих расходов, а передает их населению в виде ссуд и займов. Общая сумма этих ссуд не устанавливается точно. Банк предоставляет самому населению решить, какую сумму оно желает занять, и у банка нет иного способа регулировать запас платежных средств, как путем определения своих условий для этих ссуд. Эти условия определяют таким образом недостаточность платежных средств. У банка имеются в распоряжении различные способы для такого регулирования. Центральный банк обычно более или менее строго устанавливает виды обеспечения, против которых им выдаются ссуды. Он строго ограничивает сроки, на которые ссуды выдаются. Он даже определяет

иногда те специальные цели, для которых выдаются такие ссуды. Но все эти различные способы имеют менее важное значение. Важнейшим средством для регулирования массы платежных средств является в руках банка та цена, которую должны уплачивать должники за получаемые ими от банка ссуды, т. е. те различные ставки процента, которые устанавливает банк. Все они определяются обычно одним из важнейших из них, а именно учетным процентом или, как он часто называется, официальным банковским процентом. Совершенно очевидно, следовательно, что в указанном случае запас платежных средств, а вместе с тем и покупательная способность денег регулируются главным образом установленными банковскими процентными ставками. Это важное положение является, как мы видим, прямым следствием той формы, которую мы придали основной проблеме теории денег. Положение это иногда оспаривают и утверждают, что центральный банк не обладает достаточной мощью, чтобы оказывать такое влияние. Но защищающие подобную точку зрения должны все же ответить на вопрос: каким же образом определяется в указанном случае запас платежных средств и покупательная способность? Если они серьезно поставят перед собой этот вопрос, то очень быстро должны будут убедиться в том, что в действительности иного ответа не существует.

Вопрос в том, каким образом учетный процент влияет на снабжение платежными средствами и на покупательную способность денег, являлся предметом многочисленных споров. Я поэтому посвятил очень много внимания освещению этого вопроса. Общая теория цен показывает, что нужен определенный уровень процента, чтобы создать равновесие между спросом и предложением на свободные капиталы. Первым требованием рациональной банковской политики является, следовательно, требование ни в каком случае не нарушать этого равновесия. Банки должны сверх своих собственных средств

отдавать в виде ссуд не больше того, что они сами могут получить в виде вкладов. Они не должны, следовательно, пользоваться своей способностью создавать номинальную покупательную силу путем выпуска собственных платежных средств для удовлетворения спроса на капитал, если этот капитал не состоит из действительных сбережений. Во избежание такого положения, банки должны устанавливать такой процент, который сохраняет равновесие рынка капиталов. Это правило особенно важно для центрального банка. Если банковский процент стоит на более низком уровне, чем это требуется недостаточностью рынка капиталов, то спрос на капитал, предъявленный банку, возрастает настолько, что спрос этот должен будет в известной мере удовлетворяться путем излишнего выпуска платежных средств. Но это ведь означает инфляцию. Если, с другой стороны, банковский процент стоит на более высоком уровне, чем это требуется состоянием денежного рынка, то платежные средства вновь возвратятся в банк, и тогда начнется процесс дефляции.

Однако на практике нельзя непосредственно применить правило об установлении такого банковского процента, который соответствует состоянию рынка капиталов главным образом потому, что нам не известен размер процента, который может сохранить равновесие рынка капиталов. В распоряжении банков не имеется никаких других способов судить о правильности своей политики, как наблюдать за влиянием своих процентных ставок: если общий уровень цен повышается, то это показывает, что учетный процент банка слишком низок. Учетный процент должен быть, следовательно, сохранен на такой высоте, чтобы уровень цен оставался устойчивым. Задача эта, однако, трудна, так как банк не должен ожидать, пока наступит повышение цен, чтобы принять соответствующие меры; он должен своей учетной политикой стараться предотвратить повышение цен.

Относительно влияния учетного процента на уровень цен

существуют большие разногласия. В деловом мире господствует даже такое представление, что повышение учетного процента увеличивает издержки производства и таким образом вызывает общее повышение цен. Даже в среде теоретиков об этом вопросе не существует достаточной ясности. Однако с точки зрения развиваемой мною здесь общей теории вопрос этот становится совершенно ясным и простым. До тех пор, пока дисконтный процент соответствует проценту рынка капиталов, но не оказывает влияния на общий уровень цен, которые могут остаться неизменными. При такой взаимной между ними зависимости совершенно безразлично, высок или низок учетный процент. Но если он выше, чем процент рынка капиталов, то должно последовать общее падение уровня цен. Однако это падение является исключительно результатом разницы между этими размерами процентов и не имет ничего общего с их абсолютной высотой. Повышение процента на рынке капиталов оказывает, естественно, влияние, как я уже доказал раньше, на относительный уровень товарных цен. Цены тех товаров, для производства которых требуются особенно большие вложения капиталов, будут соответственно повышаться. Но зато другие цены должны настолько упасть, чтобы общий уровень цен остался неизменным. Банковский процент может вызвать повышение или понижение общего уровня цен только в том случае, если стоит ниже или выше того размера, который действительно соответствует фактическому состоянию равновесия рынка капиталов.

Третий случай, который должна рассмотреть теория денег, это чистая золотая валюта. Но случай этот только теоретический, так как такой валюты в действительности не существует. Однако он заслуживает рассмотрения, чтобы облегчить понимание других, действительно существующих видов золотой валюты. Предположим, что нет других платежных средств, кроме золотой монеты, и что населению

предоставлено право свободной чеканки монеты, как и свободной плавки ее, и что далее ввоз и вывоз золота беспрепятственно разрешается, тогда окажется, что запас платежных средств не фиксирован как определенная денежная масса, но что запас этих средств будет находиться в тесной связи с общим запасом золота в данной стране или во всем мире. Ибо, соответственно нашему предположению, золото может свободно передвигаться, увеличивая или уменьшая денежный запас данной страны. Тем не менее существует известная недостаточность в запасе платежных средств. Эта недостаточность тесно связана с недостаточностью золотого запаса и в известной степени со спросом на золото для других целей, кроме валютных, а также со спросом на него со стороны других стран. Хотя эта недостаточность не фиксирована в виде определенной суммы, тем не менее она существует как объективный факт, который является решающим для устойчивости денежной единицы. При такой системе золотой валюты страна раз на всегда отказывается поэтому от какого-либо влияния на покупательную способность своих денег, и эта последняя тесно связана с покупательной способностью золота.

Золото не является, однако, принятой денежной единицей страны. Эта единица не представляет собою, как часто думают, определенного весового количества золота; даже в случае существования чистой золотой валюты, эта единица имеет независимое существование в виде абстрактной единицы. Это следует из того, что цена золота может колебаться в пределах теоретического паритета, определяемых, с одной стороны, стоимостью чеканки и, с другой стороны, стоимостью плавки или, вернее говоря, минимальным весом золота, содержащегося в известной сумме золотой монеты. Законодательные постановления, относящиеся к этим особенностям и являющиеся, по господствующим представлениям, существенным содержанием всей денежной системы,

могут с точки зрения этой теории рассматриваться только как технические средства, обеспечивающие уверенность в том, что цена золота будет колебаться только в пределах определенных узких границ. Благодаря такому определению цены золота, определяется и стоимость абстрактной денежной единицы.

После этих предварительных замечаний можно перейти к рассмотрению существующей важнейшей денежной системы: к золотой валюте с бумажным обращением. С самого начала моей научной деятельности я рассматривал такую денежную систему как бумажную валюту, регулируемую центральным банком таким образом, чтобы стоимость денежной единицы всегда оставались в определенном соотношении со стоимостью золота. Такое определение, являющееся логическим следствием нашего общего понимания денег, естественным образом отражает именно то, что действительно происходит в странах с современной золотой валютой. При такой валютной системе мы без всякого сомнения имеем дело с абстрактной денежной единицей, покупательная сила которой определяется банком путем создания запаса денежных средств. Величина этого запаса, например, при стабильной бумажной валюте регулируется главным образом учетным процентом. Задача банка заключается в данном случае в том, чтобы создать такую недостаточность запаса, которая могла бы поддержать паритет денежной единицы в близком соответствии с золотом. Другими словами, это означает тоже, что запас платежных средств должен быть регулирован таким образом, чтобы цена золота оставалась приблизительно на том уровне, который соответствует теоретической, определенной законом цене. Однако точное соответствие никогда не может быть достигнуто. При золотой валюте с бумажным обращением цена золота постоянно колеблется в узких пределах своего паритета. Этот факт, хорошо известный банковским деятелям, часто упускается из виду при теоретиче-

ских спорах. Как я уже заметил относительно чистой золотой валюты, факт этот теоретически уже потому важен, что показывает, что принятая денежная единица не представляет собою определенного весового количества золота, в каковом случае колебание цены золота было бы логически невозможно, а только абстрактную единицу, стоимость которой определяется исключительно запасом платежных средств, выраженных в этой единице. Интересно наблюдать, какое решающее значение приобрело такое понимание истинной природы золотой валюты в дальнейшем развитии денежной политики. Новая английская золотая валюта, при которой обращение золотой монеты признано излишним, представляет собой отчетливый случай бумажной валюты, когда закон обязывает центральный банк покупать и продавать золото по твердым ценам и заботиться о том, чтобы стоимость бумажной валюты оставалась постоянно в твердом соотношении со стоимостью золота. Существенные особенности золотой валюты таким законодательством выдвигаются на первый план, между тем как технические особенности монетных законов, которым старые теоретики придавали столь несоответственно большое значение, и которые, в конце концов, оставались только подчиненными техническими средствами, давно отброшены за ненадобностью.

Наш метод обеспечивает принципиальное единообразие в исследовании всех существующих видов валютных систем. Мы видим, что во всех случаях покупательная способность денег основана на недостаточности запаса платежных средств. Если эти средства выпускаются центральным банком, то мы должны заключить, что покупательная способность денежной единицы в высокой степени зависит от кредитной политики банка и размера его процентов, или же, как я указал в своем труде «The Nature and Necessity of Interest», — все пути к обеспечению стабильности валюты, как бы различны ни были средства для этого, зависят от одного

и того же фактора, а именно от разумного регулирования банковского процента (§ 163).

Для ясного суждения об одной из важнейших и серьезнейших экономических проблем нашего времени этот вывод очень ценен. Я имею этим в виду проблему восстановления золотой валюты после долгого периода сильнейшей инфляции бумажной валюты. Многие полагают, что с восстановлением золотой валюты связаны трудности почти мистического характера. Утверждали, кроме того, что золотая валюта доступна и приемлема только для богатых народов с хорошо сбалансированным бюджетом. Очень полезно поэтому установить, что золотая валюта есть не что иное, как бумажная валюта, при которой платежные средства выпущены с такой степенью недостаточности, что цена золота остается почти стабильной. Если стать на такую точку зрения, то ясно уже само собой, что первый шаг к восстановлению народного хозяйства должен заключаться в стабилизации современной валюты различных стран. Из этого же вытекает далее вывод, имеющий важное реальное значение, что эта стабилизация, во избежание большой потери времени и дальнейших ненужных потрясений, должна в общем совершиться приблизительно на основе фактической стоимости современной валюты. Только в тех случаях, когда эта стоимость очень близка к довоенной, можно было бы рассматривать восстановление довоенной стоимости валюты как политику реального значения. Становится совершенно очевидным, что как только стабилизация проведена, каждая валюта может снова принять характер золотой валюты, ибо тогда оставалось бы только закрепить законодательным порядком фактически достигнутый золотой паритет. С точки зрения изложенной здесь теории, трудности, связанные с установлением такой золотой валюты и необходимые для этого средства в сущности те же, что и при стабилизации бумажной валюты. Переход от бумажной валюты, регулируемой банковским путем,

к золотой валюте не представляет собой поэтому никакого особенно смелого шага. Необходимо, однако, при этом заметить, что в случае, если бы по отношению к товарам стоимость золота вообще обнаружила большие колебания, то при введении золотой валюты возникло бы затруднение, что стоимость денежной единицы по отношению к товарам не могла бы долго оставаться неизменной, а должна была бы приспособиться к стоимости золота. В этом заключается, правда, отрицательная сторона золотой валюты. Но она неизбежно связана с золотой валютой, и если мы тем не менее считаем введение золотой валюты лучшим решением денежной проблемы, то происходит это, главным образом, потому, что мы предпочитаем ставить нашу валюту в зависимость от объективного фактора, например, от стоимости золота, чем делать ее объектом различных политических влияний.

Иложенные здесь общие соображения теории денег представляют собой в основе все то, что мне приходилось писать о деньгах во время войны и после войны. Они легли в основу моих докладов для Лиги наций, как и моей работы «Das Geldwesen nach 1914» («Денежные системы после 1914») и, в особенности, моего недавно появившегося труда «Das Stabilisierungsproblem» («Проблема стабилизации»), который я до сих пор имел, к сожалению, время выпустить из печати пока лишь на шведском языке.

Если наши золотые валюты, как это было сказано мною раньше, являются не чем иным, как бумажными валютами, которые регулируются таким образом, что совпадают со стоимостью золота, то остается еще ответить на вопрос, как определяется стоимость самого золота. На этот вопрос может последовать только один ответ, что стоимость золота определяется недостаточностью общего мирового запаса золота в сравнении со спросом, существующим на золото во всем мире. Запас золота, который мы здесь имеем в виду, не может, конечно, ограничиваться ни запасом его в одной

стране, ни запасом золотой м о н е т ы во всем мире, как это часто предполагают. Ни один из упомянутых количественных запасов не имеет независимого существования. При золотой валюте золото может, как я уже указывал, свободно передвигаться из страны в страну и из денежного капитала страны перейти в производственный капитал, и обратно. Эта подвижность золота является основной особенностью золотой валюты. Нам необходимо поэтому выяснить вопрос, каким образом общий уровень цен зависит при золотой валюте от мирового запаса золота. Исследованием этого вопроса я был занят в свое время; первые его результаты, которые были позже дополнены, я опубликовал в 1904 г. на шведском языке. Весь этот материал вошел вместе с целым рядом диаграмм в мою «Теоретическую социальную экономию». Я поэтому ограничусь здесь только общим изложением сущности моего метода.

Для того, чтобы стоимость золота оставалась неизменной, мировое хозяйственное развитие требует, естественно, постепенного роста золотого запаса. Мы не можем поэтому говорить об избытке или недостатке золота в течение какого-нибудь периода, если не относить этих понятий к запасу золота, который считается нормальным именно для данного периода. Но какой именно запас нужно считать нормальным? Вместо этого вопроса можно было бы поставить вопрос таким образом: какой темп роста золотого запаса необходим в течение определенного периода, чтобы уровень цен оставался неизменным в течение того же периода? Ответ на этот вопрос может быть дан только как результат опыта, путем использования соответствующего статистического материала за данный период. Период от 1850 г. до 1910 г. очень подходит для этой цели, так как уровень цены золота 1910 г. реально тот же, что и в 1850 г. За весь этот период мировой запас золота увеличился в 5,2 раза, что соответствует ежегодному приросту в 2,8% в сред-

нем. Если бы, следовательно, весь мировой золотой фонд увеличивался ежегодно равномерно на 2,8%, то к 1910 году он должен был бы достигнуть той величины, какой он в действительности к этому времени и равнялся, и тогда не было бы никаких оснований для того, чтобы состояние золотого фонда в течение этого периода вызвало какие-нибудь изменения в общем уровне цен. Такой равномерный прирост мирового золотого фонда в течение периода от 1850 г. до 1910 г. представляет собой, следовательно, нормальный прирост его для каждого года данного периода. Но фактический мировой запас золота бывал иногда больше, иногда меньше, и мы имеем возможность для любого времени данного периода выразить в точных цифрах избыток или недостаток мирового запаса золота. Для этой цели мною введено понятие «относительный золотой запас», которым для каждого года определяется разница между фактическим и нормальным запасом.

Этот относительный золотой запас является единственным фактором, о котором можно предположить, что он оказывает влияние на общий уровень цен. Цель нашего исследования должна поэтому заключаться в том, чтобы установить, в какой мере фактические колебания общего уровня цены золота в течение периода 1850 г. — 1910 г. могут действительно объясняться колебаниями относительного запаса золота. Мы должны, таким образом, сопоставить две кривые, из которых одна представляет собою относительный запас, а другая — общий уровень золотых цен. При сравнении обеих кривых мы можем установить, что кривая цен показывает кратковременные колебания, которые не находят отражения в очень равномерной кривой относительной золотой массы. Зависимость этих кратковременных колебаний цен от конъюнктуры очень легко установить. Мы можем отсюда сделать прямой вывод, что конъюнктурные колебания не находятся в зависимости от золотого запаса. И если мы исключим

кратковременные колебания из кривой, изображающей общий уровень цен, то получим кривую, которая поразительно совпадает с кривой, представляющей относительный золотой запас. Отсюда мы можем сделать вывод, что колебания общего уровня цен за продолжительные периоды находятся в существенной зависимости от колебаний относительного запаса золота.

В этих рассуждениях мы ничего не упомянули о возможном влиянии колебаний спроса на золото. При ближайшем анализе нашей кривой мы находим, что только в двух случаях спрос на золото мог оказать небольшое влияние на общий уровень цен. Наиболее существенным из этих случаев был колоссальный спрос на золото со стороны Америки во время того периода, когда она восстанавливала золотую валюту после инфляции, вызванной гражданской войной. Если исключить эти случаи, то спрос на золото оставался очень пассивным фактором в процессе образования мировых цен на золото.

Результаты моих последних исследований данного вопроса дают совершенно отчетливый ответ на вопрос о действительности количественной теории, вызывавшей так много споров, в отношении зависимости общего уровня цен от золотого запаса.

Если общий мировой золотой фонд должен повышаться на 2,8% ежегодно, то годовое производство золота не только должно соответствовать этому фактору, но и восстанавливать, кроме того, ежегодную нормальную потерю золота, которая оценивается в среднем в 0,2%. Таким образом годовая продукция должна составлять 3% от общего запаса золота к началу каждого года. В учебниках политической экономии всегда указывалось, что удивительная стабильность стоимости золота, которая делала его наиболее подходящим металлом для валюты, зависит от того обстоятельства, что мировой запас накопленного золота колоссален, и в сравне-

нии с ним годовое производство золота совершенно незначительно. Но это утверждение, которое вообще принималось без критики, кажется с точки зрения наших данных весьма спорным. Стабильность стоимости золота основана не на том, что накопленный запас его «колоссален» в сравнении с годовой его продукцией, но просто на том, что весь запас золота превышает его годовую продукцию в $33^1/_3$ раза.

Так как необходимая для стабильности ежегодная продукция золота должна составлять определенный процент по отношению к общей его массе, то темп роста продукции должен, очевидно, соответствовать темпу роста самого золотого запаса. Этот вывод чрезвычайно важен. Ибо изложенная точка зрения приводит к заключению, что если продукция золота должна оставаться неизменной, то, как бы она велика ни была в данный момент, она должна по прошествии известного числа лет стать недостаточной. Благодаря продолжающейся продукции запас золота увеличивается, и для того, чтобы соответствовать мировому хозяйственному развитию, ежегодно производимая часть его должна в свою очередь увеличиваться и рано или поздно опередить неизменную продукцию. Если ежегодная продукция золота падает ниже того процента по отношению к общей его массе, который соответствует хозяйственному развитию, то в стране с золотой валютой общий уровень цен должен понизиться. Если бы ежегодное увеличение продукции золота оказалось невозможным и если бы пришлось удовлетвориться неизменной его продукцией, не говоря уже о падающей продукции, то мировое хозяйство шло бы навстречу постоянному падению цен и вытекающей отсюда хозяйственной депрессии. Золотую валюту можно поэтому считать удовлетворительной только при условии, если мировая ежегодная добыча золота может быть неограниченной и увеличиваться таким же темпом, какой свойствен хозяйственному развитию.

Для настоящего момента эти наблюдения особенно важны

и интересны, ибо современная ежегодная мировая продукция золота значительно ниже ее наибольшего объема 1915 года и составляет меньше 3% ко всему мировому запасу. Это означает недостаточность запаса золота для будущего времени, а следовательно и общее падение цен. Такая недостаточность станет неизбежной, если новые золотые особенно богатые месторождения не изменят всего положения. Для данного момента такие опасения пока отодвигаются на задний план, благодаря случайному избытку золота, вызванному событиями во время войны и первого послевоенного периода. Мы имеем в данном случае такое сокращение спроса на золото, который в истории денег является действительно единственным в своем роде. Золото в целом ряде европейских стран исключено было из употребления и скопилось в Соединенных штатах, где вследствие этого образовался большой избыток золота. Результатом этого был чрезвычайной рост общего уровня золотых цен. Это повышение приняло бы еще большие размеры, если бы американцы не сочли нужным таким образом маневрировать значительной частью своего фонда, как будто она является резервом для будущих надобностей. На многих этот избыток золота произвел такое сильное впечатление, что они потеряли способность вдуматься в это явление с необходимой проницательностью. Но современный избыток золота лишь случайное явление. Европе вновь потребуется золото для восстановления золотой валюты, и оно должно найти пути для возврата в Европу. Это движение фактически уже началось, и избыток золота, вызвавший столько излишнего беспокойства за последние годы, начинает уже изживаться. Важнейший момент, находящийся в связи с этим явлением, это будущее развитие мирового хозяйства. Развитие это будет, может быть, итти более медленным темпом, чем в течение периода 1850 — 1910 г., но мир, разумеется, не удовлетворится состоянием стабильности. Современная продукция золота окажется в таком случае не-

достаточной. Если, далее, окажется невозможным значительно повысить эту продукцию, то мы будем иметь весьма серьезный недостаток золота, когда та часть американского золотого фонда, которая служит резервом, будет использована для растущих потребностей мирового хозяйства.

При этих обстоятельствах дальновидная денежная политика должна была серьезно поставить вопрос о таком ограничении мирового спроса на золото для чеканки монеты, чтобы приближающийся недостаток золота не мог повести за собой понижения цен. На международной финансовой конференции, состоявшейся в 1922 г. в Генуе, этот вопрос обсуждался, и тогда же было настоятельно рекомендовано сократить мировой спрос на золото для чеканки монеты. Этот совет был связан с совершенно отчетливым пониманием угрожающей опасности недостатка золота, который может быть вызван в том случе, если современная продукция золота в течение некоторого периода останется неизменной, между тем как растущее развитие мирового хозяйства потребует увеличенной годовой его продукции.

Во время войны, когда требовалось особенно ясное представление о действительных процессах, происходивших в области денег, могла оказать ценные услуги только такая теория денег, которая положила в основание объяснение, состоящее в том, что стоимость денег определяется недостатком платежных средств, и которая рассматривала золотую валюту различных стран просто как бумажную валюту, сохраняющую свой паритет при известном соотношении с золотом. С точки зрения этой теории беспрерывный выпуск новых платежных средств, мотивировавшийся во всех странах, с одной стороны, исключительным положением, а с другой стороны, повышением цен, представлял собой образование номинальной покупательной способности, которая неизбежно должна была конкурировать с подлинной покупательной способностью и в свою очередь способствовать повы-

шению цен. Но, прежде чем эта простая истина нашла признание, она должна была выдержать долгую борьбу, да и сейчас еще можно сомневаться в том, что она была бы когда-либо признана, если бы наука не нашла мощной поддержки в катастрофическом разрушении тех валютных систем, в которых инфляция достигла астрономических размеров.

Я никогда не мог рассматривать так называемую количественную теорию денег, как учение, истинность которого должна быть принята a priori. Я никогда не сомневался в том, что влияние усиленного снабжения платежными средствами на покупательную способность денег может быть понято только из фактического опыта. Что касается золотого запаса, то я вел свое исследование при помощи изложенного выше метода. Для исследования теоретически простейшего случая чистой бумажной валюты война и послевоенный период давали материал с избытком. Для экономической науки это был исключительно благоприятный случай. Эти исследования дали мне возможность ввести в количественную теорию такие новые формулировки, которые казались мне более соответствующими явлениям действительности, чем прежние. Моя формулировка заключается в следующем: выпуск новых платежных средств, безразлично — в форме ли установленных законом денежных знаков или в форме банковских кредитов — создает дополнение к существующей покупательной способности и вызывает повышение цен. Мы не можем точно указать, каких размеров достигнет это повышение цен. Но раз повышение цен уже создано, то действительная потребность в платежных средствах возрастет в соответствующей пропорции. Население удержит из новых платежных средств столько, сколько ему необходимо при повышенном уровне цен. Остаток вновь выпущенных платежных средств возвратится в банки. Результатом будет то, что общий уровень цен повысится в таком же соотношении, как и запас платежных средств. Если этот процесс будет беспре-

рывно продолжаться, то обращение платежных средств будет безостановочно увеличиваться, а уровень цен в таком же соотношении повышаться. Причину этого одновременного и пропорционального роста обоих факторов нужно без всякого сомнения искать в беспрерывном образовании новой искусственной покупательной способности в форме вновь выпущенных платежных средств. Установление соотношения между причиной и следствием в этом процессе является важнейшей стороной количественной теории денег, которая в нынешней ее форме кажется совершенно бесспорной. Так как установление этой причинной зависимости отводит ответственность за нее на тех, на кого следует, то со стороны правительств отдельных стран делались всевозможные усилия доказать неправильность научного анализа и за туманными фразами скрыть от народных масс истинные причины этой зависимости. В этом споре всем явлениям, которые отклонялись от теории и которые путем опыта могли бы быть вскрыты, придавалось несоответственно большое значение. Но именно те, кто особенно подчеркивал эти отклонения, обыкновенно менее всего в состоянии были дать логические объяснения происходившим явлениям. Но это вполне естественно. Такие отклонения, как, например, превышение роста цен над ростом массы платежных средств, могут, без сомнения, быть изучаемы как явления, которые они в действительности представляют собой, а именно как исключение из общего правила, имеющего то неотъемлемое преимущество, что оно рассматривает всегда сущность соответствующих явлений.

Для правильного понимания чрезвычайних потрясений, последовавших в вексельных курсах вслед за инфляцией, мои прежние исследования оказались очень полезными.Я издавна привык в своем университетском курсе строить теорию вексельных курсов на том основном факте, что стоимость иностранной валюты определяется тем, что мы за нее можем ку-

пить, т. е. ее внутренней покупательной способностью. Мы должны поэтому за иностранную валюту платить такую цену, которая обратно пропорциональна общему уровню цен той страны. Таким образом вексельные курсы определяются в сущности внутренней покупательной способностью двух рассматриваемых валют.

Эта теория применима прежде всего для стран с бумажной валютой. Но так как современная золотая валюта представляет собой в сущности бумажную валюту, регулируемую таким образом, чтобы стоимость денег оставалась на уровне теоретического паритета, то эта теория может быть применима и по отношению к золотой валюте, поскольку вексельные курсы остаются в пределах золотых точек. Возможность уплачивать золотом является фактором, видоизменяющим вексельные курсы, и до тех пор, пока для этой цели имеется золото, это обстоятельство препятствует вексельным курсам выходить за пределы золотых точек. На этом основании оказалось возможным построить теорию вексельных курсов, действительную для всех валютных систем. Разумеется, это обстоятельство являлось очень большим преимуществом для правильной оценки тех чрезвычайных изменений, которым подверглись вексельные курсы в течение инфляционного периода.

В начале тех больших потрясений, которым подверглись вексельные курсы, старались найти всевозможные объяснения или оправдания их сильным колебаниям, которые казались очень унизительными. Утверждали, что эти потрясения имеют временный характер, и что курсы сами собой придут в норму, как только будут восстановлены нормальные международные торговые сношения. В противоположность этому воззрению научный анализ доказал, что истинную причину для изменений вексельных курсов нужно искать в изменениях внутренней стоимости отдельных валют, иначе говоря, в изменениях их внутренней покупательной способности. Эти

изменения имели то естественное следствие, что изменился действительный паритет между отдельными валютами. Новое состояние равновесия вексельных курсов должно определиться взаимоотношением между старым паритетом и степенью инфляции обеих валют. Этому новому паритету я присвоил название «паритет покупательной способности». Конечно старый паритет уже сам был паритетом покупательной способности, а новый паритет являлся только следствием изменения соотношения внутренней покупательной способности обеих валют.

Едва ли возможно было бы более или менее точно вычислить паритет покупательной способности двух валют только на основании данных об уровне цен в двух соответствующих странах. Эта проблема включает в себе массу факторов, которые сильно усложняют прямые вычисления. Но если нам известен паритет, который привел к состоянию равновесия между двумя странами при определенном уровне цен, то этот паритет может служить исходной точкой для исчисления паритета при ином уровне цен. Этим методом я пользовался для исчисления паритета покупательной способности военного и послевоенного периода на основании действительного довоенного паритета. Не приходится удивляться тем возражениям, которые вызвали мои методы и мои выводы. Мои критики разбились на два лагеря, из которых одни находили мою теорию абсурдной в то время, как другие находили ее само собой разумеющейся. Но постепенно накопилось большое количество фактов, которые подтвердили правильность моей теории паритета покупательной способности и практическую полезность ее для определения действительной стоимости вексельных курсов, подвергающихся сильным колебаниям рынка. Разумеется и в данном случае, как и во всех случаях, когда какая-нибудь теория применяется в хозяйственной практике, встречались отклонения, и противники моей теории или вообще всякой

теории старались нажить капитал на этих отклонениях. Но эти отклонения были частью действительно очень важны и позволяли заметить очень интересные явления. Однако их объяснение представляло очень мало затруднений, когда принималась во внимание основная причина изменений вексельных курсов, а именно изменившийся паритет покупательной способности валют. Я посвятил много внимания отклонениям вексельных курсов от паритета покупательной способности, их причинам и влияниям. И в настоящее время, когда понятие паритет покупательной способности нашло всеобщее признание, аналогичные исследования проводятся во всех странах мира. Можно надеяться, что это в значительной степени будет способствовать усвоению нашего решения проблемы вексельных курсов.

Окончательное доказательство правильности теории паритетов покупательной способности не могло быть дано, конечно, до тех пор, пока вновь не наступили нормальные отношения, и когда стало ясно, что все отклонения от паритета покупательной способности осуждены на исчезновение. Это относится и к двум важнейшим мировым валютам, как фунт стерлингов и доллар. В квартальном отчете «Skandinaviska Kreditaktienbolaget», (Stockholm, апрель 1925 г.) я показал, что, начиная с 1919 года, фактический вексельный курс между этими двумя валютами довольно точно определяется паритетом их покупательной способности. Средний вексельный курс в течение всего этого периода находится почти в полном соответствии с этим паритетом. Небольшие отклонения, которые еще встречаются, вызываются, главным образом, движением капиталов между этими двумя странами. Но это движение капиталов должно быть, конечно, принято во внимание общей теорией паритетов покупательной способности, по крайней мере, в том объеме, в котором оно вызывается разницей в процентных ставках, и поэтому едва ли может рассматриваться как отклонение от этой теории.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Предисловие		3
Первая	лекция. Задачи и методы политической экономии	17
Вторая	» Политическая экономия как теория цен	40
Третья	» Принцип недостаточности и понятие издержек.	63
Четвертая	» Теория денег	88

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

„БИБЛИОТЕКА ПО ВОПРОСАМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ"

В. БАЗАРОВ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ХОЗЯЙСТВА СССР

Стр. 168. Ц. 2 р.

Р. ЛЮКСЕМБУРГ

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

Перевод с немецкого
С предисловием Д. Розенберга

Стр. XVI, 285. Издание второе Ц. 1 р. 50 к.

ПРОТИВ МЕХАНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Сборник статей
Под редакцией Б. Борилина и А. Леонтьева

Стр. 187. Ц. 1 р. 30 к.

И. РУБИН

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ МАРКСА

Третье издание, переработанное и дополненное
С приложением статьи „Ответ критикам".

Стр. 371. Ц. 2 р. 75 к.

С. ШАБС

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА

Критика „Очерков по теории стоимости Маркса" И. Рубина

Стр. 175. Ц. 1 р. 65 к.

Покупайте книги во всех магазинах и отделениях Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

(Российская Ассоциация Научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт экономики)

„Библиотека теоретической экономии"

В. Б. КЕЛЛЕР

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Теория цены

Стр. 167. Ц. 1 р. 65 к.

СОДЕРЖАНИЕ: От автора. Введение. I. Предельная полезность, максимум полезности и цена. II. Социальная предельная полезность. III. Индивидуальный и общественный спрос. Закат предельной полезности. IV. Издержки производства и отрицательная полезность. V. Равновесие спроса и предложения. VI. Отказ от экономической теории. Указатель авторов.

★

А. Б. ЭЙДЕЛЬНАНТ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНЫХ ТЕОРИЙ

Предшественники новейшего номинализма

Стр. 316. Ц. 3 р.

СОДЕРЖАНИЕ: Введение: Номинализм и металлизм в свете марксовой теории денег. Часть первая. Возникновение и развитие номинализма в связи с эволюцией капитализма. Отдел первый. Разложение меркантилизма и подготовка номиналистической теории денег. I. Теория денег физиократов и хозяйственно-политический смысл их отказа от металлической валюты. II. Теория денег английских меркантилистов и их критиков. III. Обесценение драгоценных металлов и его влияние на теорию денег. Отдел второй. Экономические предпосылки новейшего номинализма. IV. Новое направление борьбы за валютную независимость в XX веке. V. Номиналистическая теория денег и монополистические тенденции. Часть вторая. Номинализм и денежная политика (случаи разрыва номинальной и субстанциональной ценности денег как поводы номинализма). VI. Порча монеты. VII. Повышение номинальной ценности монет и спор о перечеканке в Англии. VIII. Австро-Венгерский опыт денежного обращения и его влияние на развитие новейшего номинализма. IX. Номиналистическая и металлистическая теория денег в России. Заключение. Тематический комплекс номиналистических построений. Предметный указатель. Именной указатель.

Покупайте книги во всех магазинах и отделениях Госиздата